

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣятеля.

XX¹⁾.

Присяжные засѣдатели.

Серьезной причиной оправдательныхъ приговоровъ, полнующихъ общественное мнѣнiе, потому что ни въ событiи тяжкаго преступленiя, ни въ сознательной виновности въ послѣднемъ подсудимаго не можетъ быть никакого сомнѣнiя—являлись, какъ я уже говорилъ, не только руководящiя панутетвiя, но также и *разъясненiя* председателя *присяжнымъ ихъ правъ и обязанностей*, дѣлаемая въ началѣ каждой сессii, въ связи съ приводомъ къ присягѣ. Они далеко не всегда,—по крайней мѣрѣ за то время, когда я служилъ въ „дѣйствующей армii“ судебного вѣдомства,—соотвѣтствовали своему назначенiю. Въ нихъ больше всего обращалось вниманiе присяжныхъ на технику ихъ работы, и лишь упоминались вскользь вопросы о *внутреннемъ убѣжденiи, о сомнѣнiи, о значенiи признанiя* присяжными подсудимаго „заслуживающимъ снисхожденiя по обстоятельствамъ дѣла“ и т. п. Между тѣмъ именно по этимъ вопросамъ прежде всего слѣдуетъ вооружить присяжныхъ здравыми и правильными понятiями. Излишне говорить, какъ важно, напримѣръ, разъясненiе присяжнымъ разницы между сомнѣнiемъ въ виновности, остающимся послѣ тщательнаго вѣншиванiя всего, что говорить за и противъ нея, и тѣмъ сомнѣнiемъ, которое легко возникаетъ тамъ, гдѣ умственная работа недостаточно напряжена или гдѣ легко возникающее сомнѣнiе даетъ соблазнительный поводъ отъ этой умственной работы уклониться. Точно такъ же необходимо съ полной ясностью и нагляд-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ Январь 1914 г.

ностью объяснить присяжнымъ, что ихъ рѣшеніе, въ основу котораго должно быть положено внутреннее убѣжденіе, не есть простое мнѣніе ихъ по дѣлу, а является чреватымъ послѣдствіями для подсудимаго и для общества приговоромъ ихъ совѣсти, призываемой ограждать общество и отъ поощренія ала путемъ безнаказанности преступленія, и отъ того несчастія, которымъ должно быть признано осужденіе невиннаго. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ еще меньше печатныхъ образцовъ такихъ объясненій присяжнымъ, чѣмъ печатныхъ руководящихъ напутствій, такъ что почти нѣтъ примѣровъ для подражанія или руководства. Мнѣ извѣстно лишь одно такое объясненіе, превосходное по формѣ и по содержанію, произнесенное при открытіи сессіи присяжныхъ моимъ старымъ сослуживцемъ, товарищемъ предсѣдателя Петербургскаго окружнаго суда В. К. Случевскимъ, и напечатанное въ „Новомъ Времени“ 1879 года № 309.

Я уже говорилъ въ моихъ воспоминаніяхъ о дѣлѣ Жюжанъ о томъ, какъ мало обращалось у насъ долгое время вниманія на выработку руководящихъ напутствій и какъ большинство изъ нихъ отличалось безцвѣтностью и отсутствіемъ внутренняго содержанія, которое должно бы содѣйствовать облегченію задачи присяжныхъ. Печать, удѣляя по громкимъ процессамъ мѣсто рѣчамъ сторонъ, почти никогда не помѣщала рѣчи предсѣдателя, такъ что даже и тамъ, гдѣ она представляла полезный образецъ для подражанія, эта рѣчь оставалась неизвѣстной никому, кромѣ присутствовавшихъ. Тѣмъ образомъ, пропали для изученія и подражанія нѣкоторыя изъ слышанныхъ мною превосходныхъ напутствій присяжнымъ со стороны А. А. Сабурова въ Петербургѣ и Э. Я. Фука въ Харьковѣ. По этой же причинѣ нынѣ я могъ бы указать лишь на напечатанныя руководящія напутствія А. М. Кузминскаго въ Петербургскомъ окружномъ судѣ по дѣлу Меранвиль - де - Сенклера и одного изъ товарищей предсѣдателя Московскаго окружнаго суда по дѣлу офиціанта Куликуна, обвиняемаго въ сводничествѣ своихъ малолѣтнихъ дочерей, - - какъ вполнѣ отвѣчающія своему значенію и назначенію. Не могу не выразить при этомъ крайняго сожалѣнія, что превосходныя напутствія нынѣшняго предсѣдателя Петербургскаго окружнаго суда С. В. Кудрина не были напечатаны. Но за то я могъ бы отмѣтить цѣлый рядъ слышанныхъ мною руководящихъ напутствій, состоявшихъ изъ усмиительнаго повторенія статей закона или изъ такихъ толкованій, которыя вносили смуту въ

умы присяжныхъ и вызывала недоумѣнія даже въ участвующихъ въ дѣлѣ лицахъ. Такимъ было, на примѣръ, ничѣмъ не вызванное тяжкодумное объясненіе разницы между заявленіемъ о *подложѣ* зѣта и споромъ о его *недѣйствительности*,—объясненіе, вслушиваясь въ которое можно было добросовѣстно признать, что никакой разницы между ними не существуетъ; или авторитетное объясненіе различія между *выемкой* и *обыскомъ*, сводившееся къ тому, что когда *ищутъ*, то это обыскъ, а когда что-нибудь при этомъ *нашли*, то это выемка. Вообще говоря, на предварительную, спокойную и обдуманную подготовку руководящаго напутствія въ судебнаго засѣданія и теченія судебного слѣдствія, особливо по серьезнымъ и сложнымъ дѣламъ, у насъ, повидимому, обращалось мало вниманія, несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень важное объясненіе о составѣ преступленія, его существенныхъ признакахъ и общественномъ значеніи можетъ быть обдумано и построено еще до открытія судебного засѣданія. Между тѣмъ я помню случаи, гдѣ въ этомъ отношеніи допускалась торопливая импровизація или обдумываніе предстоящаго напутствія совершалось въ самый разгаръ преній сторонъ, безъ необходимаго сосредоточенія вниманія на нихъ предсѣдателя. Такъ, мнѣ пришлось въ Сенатѣ участвовать въ разсмотрѣніи дѣла, въ которомъ сторонами въ рѣчахъ были сдѣланы совершенно недопустимые на судѣ выпады противъ подсудимаго и нѣкоторыхъ свидѣтелей, направленные къ возбужденію и разжиганію племенныхъ страстей и оставленные предсѣдательствовавшимъ не только безъ своевременной остановки беззаастѣнчиво зарвавшихся противниковъ, но и безъ всякаго указанія въ руководящемъ напутствіи на ихъ болѣе, чѣмъ неумѣстный характеръ. Въ объясненіи, представленномъ Сенату, этотъ предсѣдатель наивно говорилъ, что не могъ обратить вниманія на такія выходки, потому что былъ погруженъ во время судебныхъ преній въ подготовленіе своего „резюме“. Этотъ „погруженный въ обдумыванье“ предсѣдатель, не отдающій себѣ отчета въ происходящемъ вокругъ, напоминаетъ мнѣ невольно разсказъ объ одномъ предсѣдателѣ, находившемся въ такихъ же условіяхъ. Въ то время, когда онъ всецѣло отдавался соверпанію мысленной постройки своего будущаго напутствія присяжнымъ, стоящій сбоку подсудимаго, бывшаго подъ стражею, солдатъ вадремаль и наклонилъ ружье въ сторону присяжныхъ. Ихъ это стало тревожить и, наконецъ, старшина, перебивая рѣчь защитника, воззвалъ къ предсѣдателю: „А? что?“ спросилъ тотъ, оторванный отъ своей творче-

своей работы, и еще весь находясь подъ ея вліяніемъ. „Да поти, господинъ предсѣдатель, вотъ этотъ нижній чинъ такъ держитъ ружье... присяжные опасаются... какъ бы оно не выстрѣлило... вѣдь кого-нибудь изъ насъ убить можетъ“... — „Убить? разсѣлино сказалъ предсѣдатель, все еще пребывая въ своемъ автогишновѣ: но вѣдь у насъ есть *запасные* (т.-е. присяжные засѣдатели)!“.

Я давалъ заключеніе въ Сенатѣ по надвѣвавшему шуму дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Саратовско-Сямбирскомъ земельномъ банкѣ. Важнѣйшимъ изъ основаній къ отмѣнѣ приговора присяжныхъ послужило въ немъ руководящее напутствіе предсѣдателя Тамбовскаго окружнаго суда, въ которомъ онъ совѣтовалъ присяжнымъ засѣдателямъ „обогащать свою житейскую опытность наблюденіемъ за тѣмъ, какъ себя выказываютъ и проявляютъ своимъ поведеніемъ во время засѣданія подсудимые“, т.-е. рекомендовалъ имъ самыя неправильныя, смутныя и неустойчивыя основанія для сужденія о человѣкѣ, поставленномъ въ условія для него необычныя, тягостныя и роковыя. Затѣмъ онъ внушалъ присяжнымъ, что возложеніе уголовной кары на людей, „увлекшихся теченіемъ и направленіемъ времени“ и которые „не пожелали оставаться на скромныхъ ступеняхъ житейской лѣстницы, а пустились въ аферы, спекуляціи и биржевую игру, было бы равносильнымъ неисполненію возложенной на присяжныхъ обязанности, такъ какъ подложныя документы, счета и отчеты были составлены въ данномъ случаѣ людьми, которые, лишь вслѣдствіе сложившихся, быть можетъ, въ ихъ жизни обстоятельствъ, не захотѣли ограничиться ролью труженика и мирнаго гражданина, но, вслѣдствіе среды, въ которой вращались, и неособеннаго умственнаго развитія и направленія, пожелали плавать шире и глубже“. Не меньшее значеніе имѣютъ и неправильныя объясненія предсѣдателя присяжнымъ способа оцѣнки ими доказательствъ, а также разъясненіе имъ ограничительныхъ отвѣтовъ на вопросы, ставящіе ихъ иногда въ безвыходное положеніе. Такимъ образомъ пришлось отмѣнить оправдательный приговоръ присяжныхъ о жестокомъ и возмутительномъ убійствѣ, по которому на ихъ разрѣшеніе былъ поставленъ вопросъ о виновности съ двумя отягощающими обстоятельствами: обдуманномъ заранѣе намѣреніемъ и предварительнымъ съ другими соглашеніемъ, при чемъ присяжные, не находя въ дѣлѣ признаковъ этихъ отягощающихъ обстоятельствъ, просили предсѣдателя объяснить имъ, могутъ ли они въ своемъ отвѣтѣ таковыя отвергнуть?

Предсѣдатель имъ сазавалъ, что отрицаніе этихъ обстоятельствъ не можетъ имѣть вліянія на судьбу подсудимаго, поставивъ ихъ тѣмъ въ необходимость или вопреки своему убѣжденію признать эти обстоятельства, или, если совѣсть ихъ съ этимъ не мирялась, то оправдать подсудимаго. Они избрали второе.

Необходимымъ условіемъ для руководящаго напутствія является разумная увѣренность предсѣдателя въ законотѣрности и житейской цѣлесообразности даваемыхъ имъ разъясненій, въ которыхъ, разбирая относительную силу представленныхъ доказательствъ для правильнаго уразумѣнія ихъ присяжными, онъ не долженъ однако обнаруживать личнаго мнѣнія о винѣ или невинности подсудимаго. Къ сожалѣнію, далеко не всегда напутствіе удовлетворяетъ этому требованію. Анализъ вѣса и значенія доказательствъ по дѣлу въ видѣ общихъ началъ, преподаваемыхъ присяжнымъ, дѣло не легкое и требующее большой вдумчивости, а фарватеръ между Сциллой и Харибдой обвиненія и оправданія узокъ и павилистъ. Поэтому бывають случаи, когда въ дѣлахъ, требующихъ именно вѣскаго и твердаго слова, въ напутствіи проявляются неувѣренность и колебаніе или, наоборотъ, вмѣсто ранбора доказательствъ навязываніе присяжнымъ своего мнѣнія о виновности, приводящее къ отрицательнымъ результатамъ. Тамъ, гдѣ предсѣдатель, вмѣсто судьи, обращается въ дополнительнаго прокурора, напоминая преантентовъ французскихъ ассизовъ, съ ихъ всегдашнимъ предубѣжденіемъ противъ подсудимаго, тамъ присяжные обыкновенно теряють довѣріе къ его разъясненіямъ и склонны рѣшать дѣло, какъ выражается народъ, „своимъ средствомъ“. Выдающийся примѣръ такого рода былъ предметомъ моего доклада въ Сенатѣ по громкому дѣлу о священникѣ Тимофеевѣ, обвинявшемся вмѣстѣ со своимъ работникомъ въ лишеніи жизни крестьянина Аксенова съ цѣлью продолженія связи съ женою послѣдняго, которая еще малолѣтнею была развращена и растлѣна подсудимымъ. По этому дѣлу предсѣдатель просилъ присяжныхъ, востановляя въ своей памяти обстоятельства дѣла, не руководиться его собственнымъ ихъ изложеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оставить вовсе безъ обсужденія показанія одного изъ свидѣтелей, какъ данное разнорѣчиво при дознаніи, слѣдствіи и на судѣ. Такимъ образомъ имъ, въ сущности, была упразднена необходимость востановленія истинныхъ обстоятельствъ дѣла, что придадо его напутствію характеръ безцѣльной траты времени. Въ этомъ дѣлѣ, возбуждавшемъ страстное къ себѣ отношеніе, предсѣдатель предоставилъ присяжныхъ исключительно

ихъ собственнымъ силамъ я снабдилъ ихъ совершенно непри-
вильнымъ совѣтомъ не утруждать себя сопоставленіемъ равно-
рѣчивыхъ показаній свидѣтеля, а оставить ихъ вовсе безъ
разсмотрѣнія. Какъ далеко это отъ тѣхъ здравыхъ взглядовъ
на руководящее напутствіе, которыхъ держится англійская су-
дебная практика. Вотъ что, между прочимъ, сказалъ сэръ Кок-
беръ въ своемъ напутствіи присяжнымъ въ знаменитомъ про-
цессѣ самозванца Тичборна: „По мнѣнію моему, тотъ судья
не исполняетъ долга своего, который только воспринимаетъ
приводимыя доказательства съ тѣмъ, чтобы ихъ передать потомъ
присяжнымъ, не указывая на существенные факты и на тѣ выво-
ды, которые изъ нихъ естественно, неизбежно вытекаютъ. Судья
долженъ устанавливать вѣсы правосудія такъ, чтобы они вѣсѣ-
ли равно, но онъ обязанъ вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдить за тѣмъ,
чтобы всѣ обстоятельства дѣла, по мѣрѣ того, какъ они раскры-
ваются, клались сообразно той категоріи, въ которой они при-
надлежатъ, въ ту или другую чашу вѣсовъ. Его дѣло позабо-
титься о томъ, чтобы заключенія, къ которымъ приводятъ по-
слѣдовательно факты, были указаны присяжнымъ, и поддерживать
себя при этомъ отраднымъ сознаніемъ, что, если онъ ошибется,
то подъ бокомъ у него находятся двѣнадцать человѣкъ, знако-
мыхъ съ явленіями ежедневной жизни, которые исправятъ
ошибки, въ которыя онъ быть можетъ впалъ. Но если одна
чаша вѣсовъ перетянетъ другую при разложеніи обстоятельствъ
дѣла на вѣсахъ, то это не вина судьи, а является лишь пло-
домъ дѣйствительности“.

Встрѣчались въ моей практикѣ, къ прискорбію, и обратные
случаи, гдѣ председатель, опѣнивая доказательства, дѣлалъ это въ
такой формѣ, которая, оскорбляя участвующихъ въ дѣлѣ лицъ,
въ то же время содержала и явное мнѣніе о виновности или не-
виновности подсудимаго. Такъ, согласно съ моимъ заключеніемъ,
Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе присяжныхъ по дѣлу, въ которомъ
председатель охарактеризовалъ подлежащее рѣшенію присяж-
ныхъ дѣло пословицей: „на то и щука въ морѣ, чтобы карась
не дремалъ“, — я неоднократно навывалъ подсудимаго „щукой“.
Выдающееся и очень характерное въ этомъ же отношеніи дѣло
доходило до Сената изъ Московскаго окружнаго суда. Одинъ
изъ извѣстныхъ московскихъ негоціантовъ, желая отдѣлаться
отъ иностранной артистки, учившейся играть на арфѣ, подбро-
силъ ей свой золотой портсигаръ и обвинилъ ее въ кражѣ.
Лживость обвиненія, удостовѣренная судебнымъ разбиратель-
ствомъ и слѣдствіемъ, выявила преданіе его суду за ложный
доносъ. Товарищъ председателя, допустившій защитника подсу-

дѣлаго безвозбранно сказать по адресу потерпѣвшей, что хотя она и говорить, что училась играть на арфѣ, „но всѣмъ ясно, на какомъ инструментѣ играла эта госпожа“, со своей стороны въ руководящемъ напутствіи позволилъ себѣ выразиться: „вы, быть можетъ, г. г. присяжные высѣдатели, скажете себѣ, что наука, которую она хотѣла себѣ усвоить, была наука не въ сферѣ искусства, а наука страсти вѣжной, о которой упоминаетъ поэтъ, но только на денежной подкладкѣ“. Сенатъ призналъ такое поведеніе предсѣдателя не позволеннымъ и въ установленномъ порядкѣ передалъ его суду за бездѣйствіе власти по отношенію къ защитнику и за совершеніе при отправленіи должности непристойнаго поступка (2-ая часть 347 ст. Улож. о наказ.). Но этимъ дѣло не кончилось. Судебная Палата нашла однако въ дѣйствіяхъ обвиняемаго лишь простое упущеніе, выразившееся въ нѣкоторомъ недостаткѣ вниманія по отношенію къ допущенному имъ „игривому“ (?) выраженію, не заключающему въ себѣ ничего непристойнаго, такъ какъ слова о „наукѣ страсти вѣжной“ заимствованы изъ „Евгенія Онегина“ — романа, читаемаго въ институтахъ благородныхъ дѣвицъ. Этотъ, въ свою очередь, „игривый“ приговоръ не былъ однако опротестованъ прокуратурой. Сенатъ, рассмотрѣвъ въ порядкѣ надзора дѣйствія Палаты и признавъ ея разсужденія явно неосновательными и ошибочными, сдѣлалъ замѣчаніе самой Судебной Палатѣ, а о бездѣйствіи прокурорскаго надзора передалъ на усмотрѣніе министра юстиціи. Вообще предсѣдатель въ своемъ руководящемъ напутствіи никогда не долженъ забывать второй части уже приведенной мною цитаты изъ Пушкина: „блаженъ, кто въ сердцѣ усыпляетъ или давитъ мгновенно прошипѣвшую змѣю“. Еще недавно предсѣдателемъ по дѣлу генерала Левашова, обвинявшагося въ убійствѣ земскаго начальника Шпанова подъ вліяніемъ жестокаго оскорбленія, нанесеннаго ему послѣднимъ, — былъ данъ примѣръ совершеннаго непониманія этого золотого правила, и по отношенію къ подсудимому, не имѣющему права возражать и возможности защищаться, въ напутствіи былъ употребленъ толь и способъ выраженій, недопустимый въ устахъ предсѣдателя, понимающаго свои обязанности.

Постановка вопросовъ присяжнымъ высѣдателямъ составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ суда. Отъ умѣлаго ея выполненія въ большинствѣ случаевъ зависитъ правильный отвѣтъ присяжныхъ. Поэтому законъ даетъ въ рядѣ статей подробныя указанія о содержаніи и формѣ вопросовъ, при чемъ требуетъ, чтобы предлагаемые присяжнымъ вопросы составлялись въ об-

щеупотребительныхъ выраженійхъ, а не въ видѣ принятыхъ закономъ опредѣленій. Нельзя однако сказать, чтобы отъ этихъ правилъ не дѣлалось довольно частыя отступленія, ставящія иногда присяжныхъ втупикъ или заставляющія ихъ отвѣчать на непонятныя имъ юридическіе термины, недостаточно разъясненные председателемъ; къ тому же эти вопросы то страдаютъ чрезмѣрной краткостью, допускающей произвольныя толкованія, то содержать въ себѣ такое вложеніе фактической стороны событія преступленія, со включеніемъ въ него уликъ и доказательствъ, которое затемняетъ передъ присяжными смыслъ ожидаемаго отъ нихъ отвѣта. Къ сожалѣнію, я не нахожу возможнымъ привести здѣсь редакціи нѣкоторыхъ вопросовъ, предложенныхъ по дѣламъ, разбираемымъ при закрытыхъ дверяхъ. Въ нихъ преступленіе описывалось съ такими ненужными подробностями и перечисленіемъ уликъ судебно-медицинскаго характера, что, смѣшивая существенное съ несущественнымъ и случайнымъ, разсѣивая, а не концентрируя вниманіе присяжныхъ, эти вопросы могли бы зато доставить лакомое развлеченіе любителямъ фривольнаго чтенія. Одинъ изъ такихъ вопросовъ, по дѣлу о покушеніи на изнасилованіе, представляя массу вводныхъ и придаточныхъ предложеній, занималъ три страницы убористаго письма! На-ряду съ этимъ требованіе *общепонятныхъ* выраженій понимается нашей судебной практикой весьма своеобразно, и это пониманіе со своей стороны влечетъ за собою добросовѣстное непониманіе присяжными — о какихъ именно признакахъ преступленія спрашиваетъ ихъ судья? Такъ, вслѣдствіе указаній Сената признаются *малымъ* понятнымъ для присяжныхъ, хотя бы и состоящихъ изъ крестьянъ, выраженія: „поруганіе“, „насиліе“, „оскорбленіе“, „тайное похищеніе“, и въ то же время считаются *не общепонятными* выраженія: „приготовиться“, „ошибка“, „умышленно“, „встѣвая“, „растрата“ (вмѣсто этого рекомендовано *понятное* слово: „нарасходованіе“), „намѣреніе“, „сопротивленіе“, „грабежь“ и даже „открытое похищеніе“ и т. д. Такое едва-ли на чемъ-нибудь основанное раздѣленіе словъ богатаго и изобразительнаго русскаго языка на „понятныя“ и „непонятныя“ для народа, къ сожалѣнію, нашло себѣ мѣсто и въ новомъ Уголовномъ Уложеніи, гдѣ, напримѣръ, въ 550 статьѣ говорится о *поврежденіи* рыбы въ чужихъ водахъ посредствомъ отравленія воды, при чемъ въ объясненіяхъ къ ней проводится мысль, что это поврежденіе можетъ вызвать *истребленіе* рыбы. А въ проектѣ Уложенія, очевидно признаваемое „непонятнымъ“ народу слово *поврежденіе* было замѣнено выразе-

ніемъ *поврежденіе* означъ, которое Особое совѣщаніе при Государственномъ Совѣтѣ замѣнило словами *поврежденіе поджоюмъ*, тоже считая, что поврежденіе включаетъ въ себѣ и понятіе истребленія. Въ своихъ—по меньшей мѣрѣ оригинальныхъ разсужденіяхъ Особое совѣщаніе, вопреки всякому смыслу русскаго языка, нашло, что „поврежденіе чужой вещи проявляется не только въ формѣ ея порчи, но и въ истребленіи, которое уже заключается въ понятіи поврежденія, имѣющемъ много степеней, начиная съ самаго незначительнаго замѣненія, имѣющаго вліяніе лишь на существо или названіе вещи, и кончая полнымъ ея истребленіемъ. Слѣдуетъ при этомъ принять также во вниманіе, что, строго говоря, въ природѣ ничто не уничтожается и не истребляется, а только *трансформируется*“.—Дозволительно усомниться, чтобы обыкновенный русскій присяжный засѣдатель, не изучившій кнѣги Молешотта „*Kreislauf des Lebens*“, могъ ясно представить себѣ, что сгорѣвшій до-тла домъ, скирда, изгородь и т. п. не уничтожены, а лишь повреждены или *трансформированы*, или что отбитіе у статуи пальца или у бюста кончика носа или рабитіе цѣлаго барельефа на мелкіе осколки одинаково покрываются словомъ *поврежденіе*.

За состоявшеюся отмѣной широкаго права *немотивированнаго отвода* присяжныхъ указывать вредъ такого права сторонѣ не приходится. Но слѣдуетъ замѣтить, что въ прежніе годы, благодаря ему, не только составлялось болѣе или менѣе тенденціозное съ точнаго зрѣнія прокурора или защитника, присутствіе присяжныхъ по дѣлу, но очень часто совершенно исключался наиболѣе подходящій для суда элементъ въ лицѣ развитыхъ и образованныхъ людей, если предстоилъ процессъ о нарушеніяхъ изъ области банковской, акціонерной или служебной дѣятельности, неясной въ своихъ тонкостяхъ и спеціальныхъ условіяхъ для простыхъ людей. Это стремленіе къ союзу съ предполагаемымъ невѣжествомъ и темнотою даже не умѣрялось коррективомъ *мотивировки*, какъ это дѣлается въ Англіи, или провозглашеніемъ именъ отводимыхъ, какъ это существуетъ въ Германіи. Въ особенности право прокурора вычеркивать изъ списка присяжныхъ шесть человекъ представлялось мнѣ всегда несогласнымъ съ ролью государственнаго обвинителя, который долженъ стоять выше мелочныхъ заподозриваній и не подбирать ни судей, ни законы, употребляя выраженіе великаго Петра „масть къ масти“. Поэтому въ бытность мою прокуроромъ я никогда не отводилъ никого изъ присяжныхъ засѣдателей въ надеждѣ, что правое дѣло само постоитъ за себя безъ ненужнаго оскорбленія от-

дѣльныхъ присяжныхъ застѣдателей, которые всегда легко могли догадаться о послѣдовавшемъ отводѣ вслѣдствіе совершенно произвольнаго сомнѣнія въ ихъ безпристрастіи. Этого же образа дѣйствій рекомендовалъ я держаться и моимъ товарищамъ, и, хотя отсутствіе прокурорскихъ отводовъ и вызывало недоумѣніе у высшихъ должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, но я не слышалъ ни одного заявленія моихъ сослуживцевъ о томъ, что оправдательный приговоръ послѣдовалъ вслѣдствіе предполагаемаго вреднаго вліянія того или другаго изъ неотведенныхъ присяжныхъ.

Нужно ли затѣмъ говорить о томъ, какіе результаты вызывало до послѣдняго времени *сокрытие отъ присяжныхъ наказанія*, грозящаго подсудимому — эта своеобразная игра съ ними въ притки? Конечно, присяжные, исполняя свою обязанность, должны разсматривать обстоятельства, которыми было окружено и сопровождалось преступленіе, такъ сказать, смотря назадъ отъ событія преступленія, но нельзя требовать отъ нихъ, чтобы они не смотрѣли и впередъ, т.-е. на то, что послѣдуетъ съ подсудимымъ, котораго они судятъ. Если они имѣли право ознакомиться съ личностью обвиняемаго, то, конечно, они должны были имѣть и право ознакомиться съ послѣдствіями ихъ приговора для подсудимаго. На практикѣ послѣ первыхъ двухъ—трехъ дѣлъ о кражахъ присяжные уже знали, какое наказаніе постигнетъ осужденнаго ими, но по цѣлому ряду другихъ дѣлъ имъ было извѣстно лишь то, что ихъ суду подлежатъ преступленія, сопряженныя съ лишеніемъ правъ и иногда съ очень суровыми карами; а о томъ, какова эта кара, они составляли себѣ представленіе нерѣдко изъ разъясненій какого-нибудь случайно находившагося въ ихъ средѣ самовважнаго юриста, считающаго себя знатокомъ уголовныхъ законовъ, потому что онъ служилъ въ уѣздномъ судѣ или полицейскомъ управленіи. Мнѣ пришлось председательствовать въ восьмидесятихъ годахъ по дѣлу сына купца-милліонера, извѣтнаго своимъ уголовнымъ процессомъ. Состоя въ связи съ одной женщиной, молодой человекъ ожидалъ, вслѣдствіе заявленія ея и приглашенной акушерки, вскорѣ сдѣлаться отцомъ. Въ одинъ прекрасный день онъ былъ приглашенъ къ умирающей родильницѣ, которая подарила ему сына. Уступая ея желанію, тронутый ея судьбой и рожденіемъ ребенка, который, по словамъ акушерки, былъ похожъ на него, какъ двѣ капли воды, онъ далъ ей шесть тысячъ рублей для того, чтобы успокоить ее, быть можетъ, въ послѣднія минуты ея жизни, за сына. Черезъ три дня акушерка пришла къ нему и сказала, что

съ такой мошенницей, какъ недавняя родильница, дѣла имѣть не желаетъ и щадить ея не хочетъ, такъ какъ будущая родильница обѣщала 3.000 руб., а дала за труды только 800 руб. При этомъ она объяснила, что беременность была притворная, „гуттаперчевая“, а ребенокъ былъ взятъ напрокатъ. Такимъ образомъ возникло дѣло о шантажѣ, но, такъ какъ нашъ законъ шантажа не знаетъ до сихъ поръ, то по аналогіи приходилось примѣнить постановленія о мошенничествѣ. Подсудимыя совались, а извѣстный адвокатъ Александровъ просилъ только о снисхожденіи, но присяжные послѣ четверти часа совѣщанія вынесли оправдательный приговоръ. И когда я въ разговорѣ со старшиной присяжныхъ указалъ на трудно объяснимый и странный результатъ ихъ совѣщанія, онъ мнѣ сказалъ: „помилуйте, г. председатель, кабы за это тюрьма была, то мы бы съ дорогой душой обвинили, а вѣдь за это каторжныя работы“. Когда же я ему указалъ, что подсудимымъ слѣдовало наказаніе отъ 1 до 3 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, то старшина пришелъ въ крайнее изумленіе, сожалея, что они впади въ такую ошибку вслѣдствіе того, что въ составѣ присяжныхъ былъ отставной чиновникъ, который ихъ увѣрилъ, что за это преступленіе непременно должны быть назначены каторжныя работы. Это незнаніе о наказаніи особенно бывало вредно по дѣламъ о преступленіяхъ, кончающихся лишеніемъ жизни. Есть между этими преступленіями такія, которыя вовсе не заслуживаютъ и не влекутъ по закону высшаго по строгости наказанія—каторжныхъ работъ. Таково, напри- мѣръ, убійство въ дракѣ, нанесеніе побоевъ безъ умысла на убійство, но вызвавшее, однако, смерть, убійство новорожденнаго уродя, не имѣющаго человѣческаго образа и т. п. Между тѣмъ, всѣ эти дѣла подсудны присяжнымъ засѣдателямъ. У нихъ являлась мысль: тутъ убійство, смерть, а разъ смерть, конечно, будетъ и самое строгое наказаніе, каторга. Имъ никто не имѣлъ права объяснить, что тутъ о каторгѣ нѣтъ и помину, что тутъ наказаніе гораздо болѣе слабое. Защитникъ не имѣлъ права упоминать о наказаніи, но иногда онъ говорилъ горячую рѣчь, въ концѣ которой его наэось увеличивался, и рѣчь кончалась обыкновенно словами: „г. г. присяжные засѣдатели, я надѣюсь, что вашъ приговоръ не заставитъ подсудимаго въ тундрахъ Сибири, подъ холоднымъ полярнымъ кругомъ, въ сѣняхъ и стужѣ, вспоминать нинѣшній роковой день“. Председатель восклицалъ: „Вы не имѣете права говорить о наказаніи!“ Защитникъ отвѣчалъ: „И кончилъ“. Затѣмъ подсудимый говорилъ последнее слово. Но какъ удержать простаго человѣка—а ихъ

большинство—отъ того, чтобы онъ не сказалъ: „помилуйте, кормильцы, куда же вы меня теперь въ Сибирь: у меня жена, дѣти“... Не даромъ въ 1895 г. съѣздомъ старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ Судебныхъ Палатъ большинствомъ 19 противъ 1 было признано необходимымъ въ цѣляхъ правосудія допустить оглашеніе передъ присяжными наказанія, которое грозитъ обвиняемому. Однако это пожеланіе осуществлено лишь чрезъ 15 лѣтъ...

Нельзя затѣмъ не отмѣтить и тѣхъ *неудобныхъ*, но, къ сожалѣнію, трудно отвратимыхъ *условій*, которыя косвеннымъ образомъ могутъ отражаться на настроенія и расположенія духа присяжныхъ засѣдателей, нарушая въ нихъ сосредоточенность, душевное равновѣсіе и спокойствіе, столь необходимое при исполненіи ихъ важной обязанности. Присяжные по всѣмъ дѣламъ, имѣющимъ серьезное значеніе, окружены своего рода оградой, которая стойко поддерживается съ разныхъ сторонъ всѣми участвующими въ процессѣ,—черезъ которую никто и ничто не переходитъ и у входа въ которую стоитъ кассачія, какъ библейскій ангелъ со своимъ мечомъ. Но сдѣлано ли что-либо для присяжныхъ внутри этой ограды—одинаковое и равномерное повсюду? Созданы ли условія, устраивающія ихъ физическое и нравственное утомленіе? Приходится отвѣчать отрицательно. Пребываніе присяжныхъ въ судѣ по дѣламъ, длящимся не только нѣсколько дней, но и цѣлыя недѣли и болѣе (харьковское дѣло о злоупотребленіяхъ въ Тагаврогской таможенѣ продолжалось шесть недѣль), представляетъ для нихъ во многихъ отношеніяхъ тяжкое испытаніе. Указанія Сената и основанная на нихъ практика судовъ представляютъ значительныя колебанія. Такъ разрѣшеніе отпуска присяжныхъ домой и освобожденіе ихъ отъ отяготительнаго ночного пребыванія въ судѣ ставилось сначала, въ теченіе долгаго времени, въ зависимость отъ важности обстоятельствъ дѣла. Затѣмъ было разрѣшено дѣлать различіе между угрожающимъ подсудимому *уголовнымъ* или *исправительнымъ* наказаніемъ. Потомъ признано допустимымъ отпускать присяжныхъ и при угрозы *уголовнымъ* наказаніемъ при полной невозможности оставаться имъ въ зданіи суда. Наконецъ, циркулярнымъ указомъ Сената по дѣламъ, влекущимъ уголовное наказаніе, такой отпускъ не дозволенъ „ни подъ какимъ видомъ“. Послѣ этого указа, однако, снова начались колебанія, и отпускъ присяжныхъ домой возлагается всецѣло на отвѣтственность предсѣдателя и не служитъ поводомъ къ отмѣнѣ приговора, если не будетъ доказано, что присяжные со вредомъ для безпристрастія ихъ рѣшенія входили въ сно-

пеніе съ кѣмъ-либо изъ постороннихъ. Въ виду всего этого въ дѣлахъ, представляющихъ особую важность по возбуждаемому ими въ обществѣ интересу или волненію, присяжные засѣдатели безусловно лишаются иногда на долгое время свободы. Не говоря уже о томъ, что въ большей части провинціаль-ныхъ судовъ, при постройкѣ новыхъ зданій или приспособле-ніи старыхъ, на устройство отдѣльныхъ помѣщеній для ночлега присяжныхъ не было обращено особаго вниманія, а въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ происходятъ выѣздныя сессіи, такихъ помѣще-ній и вовсе не существуетъ, нѣтъ основанія предполагать, чтобы и въ столицахъ и въ наиболѣе крупныхъ центрахъ эти помѣ-щенія были устроены съ необходимыми удобствами и предусмо-трительностью. Но даже если бы таковыя и существовали, то есть рядъ причинъ, по которымъ безотлучное пребываніе при-сяжныхъ въ судѣ въ теченіе долгаго времени не можетъ не вліять на нихъ удручающимъ образомъ. Стоитъ представить себѣ картину пребыванія присяжныхъ въ судѣ при очень длин-ныхъ засѣданіяхъ въ насильственномъ сообществѣ людей, весьма часто по своему воспитанію, образу жизни, привычкамъ обще-житія и т. п. чуждыхъ другъ другу. Необходимость оставить надолго управленіе домашними или торговыми дѣлами, слу-жебными или профессиональными занятіями не можетъ не нарушать душевнаго спокойствія присяжныхъ, тревожа ихъ и заставляя невольно задаваться мыслью: „а что-то тамъ, дома, въ лавкѣ, въ бюро и т. д.“ Плохія гигиеническія и дорогія кулинарныя условія вмѣстѣ съ отсутствіемъ оживляющихъ впечатлѣній, особливо тамъ, гдѣ, до девяностыхъ годовъ, иногда цѣлыми днями тянулась скучная и сложная бухгалтерская или банковская экспертиза, не могли не отражаться на присяжныхъ, усугу-бляясь долгое время еще и запрещеніемъ отпускать ихъ для прогулки въ зданіи или во дворѣ суда. Въ своемъ циркулярѣ по этому поводу Сенатъ говорилъ о предоставленіи присяжнымъ для отдыха *зала засѣданій*. Но имъ нужно движеніе, а не пре-бываніе въ залѣ, гдѣ цѣлый день находилось и дышало мно-жество народа и гдѣ обычно не существуетъ правильно устроен-ной вентиляціи. Быть можетъ, все это въ нѣкоторыхъ слу-чаяхъ и неизбежно, но нельзя не учитывать обращенія судеб-наго помѣщенія въ изоляціонную камеру для присяжныхъ при оцѣнкѣ справедливости тѣхъ категорически-суровыхъ пригово-ровъ, которыми присяжные признаются не только виновными, но и не заслуживающими снисхожденія. И вотъ что еще надо замѣтить: коронныя суды во всѣхъ инстанціяхъ признаются—

и справедливо—гарантированными отъ постороннихъ вліяній и отъ расхлябанія своего вниманія и вдумчивости въ дѣло свиданіемъ съ семьей и пребываніемъ въ привычной домашней обстановкѣ, между тѣмъ, какъ ими рѣшаются, вмѣстѣ съ сословными представителями, дѣла о преступленіяхъ государственныхъ и противъ порядка управленія, влекущихъ за собою безсрочную каторгу и смертную казнь. То же признается и относительно сословныхъ представителей, которые при томъ далеко не всегда, за исключеніемъ неизмѣннаго волостного старшины, являются въ первоначальномъ составѣ, начертанномъ Судебными Уставами. Губернскихъ предводителей дворянства часто замѣняютъ уѣздные, а уѣздныхъ—члены депутатскихъ собраній и дворянскихъ опеку, а городскихъ головъ—члены управъ и даже смотрители отдѣльныхъ хозяйственныхъ городскихъ предпріятій. Если къ этому прибавить, что эти представители судейской присяги не приносятъ, то несомнѣнно повятно, почему по отношенію къ нимъ не предпринимаются, хотя бы отчасти, тѣ мѣры огражденія, которыя признаются необходимыми для присяжныхъ засѣдателей. По отношенію къ послѣднимъ Сенатъ не допускаетъ, подъ угрозой отмѣны приговора, даже и простой, вызываемой необходимостью и совершенно не касающейся обстоятельствъ дѣла, бесѣды съ ними предсѣдателя суда. Въ известномъ дѣлѣ Гулакъ-Артемовской, обвиняемой въ подлогѣ векселей, въ засѣданіи, длившемся нѣсколько дней,—судебное слѣдствіе было закончено въ началѣ перваго часа ночи. Присяжные засѣдатели, желавшіе вернуться домой, просили меня черезъ судебного пристава вести насѣданіе непрерывно до конца и не оставлять ихъ ночевать. Я отвѣчалъ отказомъ, предвидя, что рѣчи прокурора, двухъ защитниковъ и повѣреннаго гражданскаго истца, постановка вопросовъ и мое руководящее напутствіе займутъ съ необходимыми перерывами, по крайней мѣрѣ, отъ пяти до шести часовъ, и что такимъ образомъ присяжные уйдутъ совѣщаться лишь около 7 часовъ утра, послѣ бессонной ночи. Присяжные, однако, настойчиво повторили свою просьбу, и я счелъ себя вынужденнымъ войти въ сопровожденіи судебного пристава въ ихъ комнату и объяснить имъ мотивы моего отказа, обративъ ихъ вниманіе на необходимость приступать къ рѣшенію участи подсудимой не подъ вліяніемъ крайняго утомленія и искусственнаго нервнаго возбужденія. Хотя Сенатъ, въ виду представленнаго мною объясненія и не отмѣнилъ по этому поводу обвинительнаго приговора, но, однако, призналъ, что въ крайнихъ случаяхъ предсѣдатель долженъ объясняться

съ присяжными въ присутствіи сторонъ, а не ограничиваться заявленіемъ имъ о существѣ происшедшей бесѣды при открытіи продолжающагося судебного засѣданія. Такой взглядъ, исполненный страннаго недоувѣрія къ предсѣдателю суда, объясняющемуся со *всѣмъ составомъ* присяжныхъ засѣдателей, несогласный при томъ съ точнымъ смысломъ статьи 675 Устава Уголовнаго Судопроизводства, въ силу которой присяжнымъ засѣдателямъ воспрещается входить въ сношенія съ лицами, не принадлежащими къ составу суда, не получивъ на то разрѣшенія предсѣдателя, — вызвалъ на практикѣ не мало затрудненій. Приходилось, иногда по маловажнымъ поводамъ, во время перерывовъ судебныхъ засѣданій, посылать разыскивать представителей сторонъ и въ присутствіи ихъ разъяснять присяжнымъ какое-либо совершенно чуждое дѣлу житейское недоразумѣніе или объяснять невозможность удовлетворенія ихъ просьбы. Я уже не говорю о томъ, что бывають случаи, гдѣ присутствіе сторонъ стѣсняетъ присяжныхъ въ свободномъ выраженіи основаній своего желанія. Такъ, напримѣръ, нерѣдко именно излишнія и чрезмѣрно продолжительныя упражненія участниковъ судебныхъ преній въ элоквенціи и побуждаютъ присяжныхъ просить поскорѣе „отпустить ихъ душу на покой“. Страхъ передъ входомъ предсѣдателя въ комнату присяжныхъ принималъ иногда трагикомическіе размѣры. Во второй половинѣ девиностыхъ годовъ старшій предсѣдатель одной изъ Судебныхъ Палатъ южной половины Россіи рассказывалъ мнѣ слѣдующій, трогательный за сердце и вмѣстѣ вызывающій невольную улыбку, случай. Во время засѣданія съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей въ уединномъ городѣ заслуженный и весь отдавшійся судебному дѣлу товарищъ предсѣдателя почувствовалъ себя очень дурно. Его перенесли въ единственную непроходную комнату, изъ которой удалили на время присяжныхъ, и положили на диванъ. Старое усталое сердце отказывалось продолжать служить, но предъ кончиной умирающій пришелъ въ себя и спросилъ: „гдѣ я?“ — „Въ комнатѣ присяжныхъ засѣдателей“, былъ отвѣтъ. „Ахъ!“ воскликнулъ онъ съ возневіемъ и упрекомъ: „зачѣмъ это? вѣдь это *кассационный поводъ*!“ И это были его послѣднія слова...

Нужно ли затѣмъ говорить, какъ дѣйствуютъ *три стороны* въ смыслѣ утомленія присяжныхъ, направленія ихъ мысли по ложному пути и нарушенія спокойствія ихъ душевнаго настроенія, необходимаго для одинаково справедливой оцѣнки всѣхъ обстоятельствъ дѣла? Гораздо меньшая важность боль-

судѣ вскорѣ послѣ его открытія. Присяжные засѣдатели, просидѣвъ въ судѣ на двухъ дѣлахъ, приступили къ слушанію третьяго, весьма немногосложнаго, въ виду собственнаго сознанія подсудимаго въ кражѣ со взломомъ, и могли разсчитывать, что на этотъ день ихъ тяжелая обязанность скоро окончится. Но защитникъ оказался весьма словоохотливымъ и началъ свою рѣчь съ заявленія, что такъ какъ кража есть преступленіе противъ чужой собственности, то необходимо прослѣдить развитіе понятія о собственности, начиная съ перваго лица, положившаго ей, согласно утверженію Жанъ-Жака Руссо, основаніе, вплоть до настоящаго времени. Затѣмъ въ теченіе часа, при благодушномъ попустительствѣ предсѣдателя, онъ разсматривалъ взглядъ на собственность у народовъ патріархальнаго и родового быта, а затѣмъ въ Египтѣ, Вавилонѣ, Римѣ и въ средніе вѣка. Присяжные—преимущественно изъ торговаго сословія—сидѣли, понуривъ голову. „Теперь перехожу къ обстоятельствамъ дѣла“, сказалъ защитникъ и, сдѣлавъ паузу, сталъ наливать себѣ стаканъ воды. Старшина присяжныхъ засѣдателей, старикъ-вунецъ съ сѣдою бородою, поднялъ голову, взглянулъ на своихъ товарищей, посмотрѣлъ на образъ и на судей и, сказавъ громко: „ахе-хе-хе-хе!“ тяжело вздохнулъ и снова поникъ головою. „Я кончилъ“, неожиданно провозгласилъ защитникъ я, сковфуженный, сѣлъ на свое мѣсто. Надо къ этому замѣтить, что чѣмъ меньше судебный ораторъ въ засѣданіи, при перекрестномъ допросѣ, обнаруживаетъ знанія дѣла, тѣмъ больше въ его рѣчи банальныхъ, общихъ мѣстъ и пустопорожнихъ разсужденій, такъ что, слушая его, иногда невольно хотѣлось бы повторить восклицаніе Альфреда де-Виньи: „*Mon Dieu, quel supplice! avoir une seule tête et deux oreilles par lesquelles on vient vous verser des sottises!*“

Но не одно количество словъ составляетъ тернія для бѣдныхъ присяжныхъ засѣдателей. Наравнѣ съ нимъ играетъ роль и *качество* словъ, которыми ловко и искусственно подмѣнивается настоящій смыслъ понятій, и создается трескучая или сентиментальная фразеологія, содѣйствующая тому, что простые и здравыя понятія уступаютъ мѣсто болѣзненнымъ и ложнымъ. Благодаря искусно подобраннымъ софизмамъ извращается правильная перспектива дѣла, и вмѣсто обыкновеннаго слабовольнаго или увлеченнаго человѣка, нарушившаго уголовный законъ и впаваго въ преступленіе, передъ глазами присяжныхъ изображаютъ или мрачнаго злодѣя или невиннаго агнца. „Я возстаю“,—писалъ въ своей статьѣ о дѣлѣ Тичборна П. П. За-

кревскій, бывшій въ то время убѣжденнымъ защитникомъ суда присяжныхъ, „противъ превращенія суда, въ которомъ засѣдаютъ присяжные, въ арену для высказыванія софизмовъ, для возбужденія всякаго рода эмоцій въ судящихъ и слушающихъ, для разрисовки ненужныхъ психологическихъ этюдовъ, для представленія зрѣлищъ, какъ говорилъ Миттермайеръ, которыя бы и дамамъ нравились (dass die Damen auch dabei ihr Vergnügen haben)“.—Некрасовъ со свойственною ему поэтической чуткостью подмѣтилъ и охарактеризовалъ проявленіе этого словеснаго блудословія. „Передъ вами стоитъ гражданинъ чище снѣга Альпійскихъ вершинъ!“ восклицаетъ у него защитникъ. А что говоритъ обвинитель, явствуется изъ утѣшенія поэта подсудимому: „а невнятенъ—отпустятъ домой, окативши ушатомъ помой“. Нѣтъ сомнѣнія, что эти крайности, практическіе примѣры которыхъ я уже приводилъ въ своихъ воспоминаніяхъ, не могутъ не вызывать невольной реакціи въ душѣ присяжныхъ засѣдателей и не нарушать равновѣсія въ ихъ сужденіяхъ. Самая форма выраженій повсюду, гдѣ относительная истина вырабатывается путемъ словесныхъ преній.—будетъ ли то судъ, ученый диспутъ или законодательное собраніе—играетъ немаловажную роль. Грубость или пошлость выраженій оставляютъ свой слѣдъ на слушателяхъ, иногда совершенно противоположный той цѣли, съ которой они были употреблены. Вообще говоря, шуточки, явительныя выходки и дешевое остроуміе не находятъ себѣ отголоска у присяжныхъ засѣдателей, которые именно потому, что для нихъ судъ дѣло не обычное и не повседневное, желаютъ и ищутъ серьезной обстановки для той работы, къ которой государство призываетъ ихъ совѣсть. Такія выходки, оскорбляя въ нѣкоторыхъ изъ присяжныхъ чувство эстетическаго такта, почти у всѣхъ идутъ въ разрѣзъ съ ихъ нравственнымъ настроеніемъ. (Одинъ присяжный засѣдатель рассказывалъ мнѣ, какое тяжелое впечатлѣніе произвело на него и на его товарищей начало рѣчи обвинителя по дѣлу о дворникѣ, который въ сообществѣ съ кухаркой совершилъ кражу у ея хозяевъ. „Господа присяжные засѣдатели!“ развязно началъ обвинитель: „жилъ-былъ дворникъ, и жила-была кухарка. Спихались они и...“—„Развѣ можно такъ говорить на судѣ?“ негодовали присяжные: „вѣдь это не за чаемъ въ трактирѣ!“ И замѣчалъ со своей стороны, что обычно присяжные засѣдатели хранятъ серьезное молчаніе даже и тогда, когда показанія свидѣтеля заставляютъ судей невольно улыбнуться, и никогда во время двѣнадцатилѣтней работы съ присяжными

засѣдателями не видѣлъ я ихъ смѣющимися даже въ такія минуты, когда публикой овладѣвалъ неудержимый хохотъ.

Тѣ, кто кричитъ противъ отдѣльныхъ оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей, грѣшатъ тѣмъ, что или не знаютъ или не хотятъ знать о громадной *работѣ* присяжныхъ, почти ежедневно совершающейся на всемъ пространствѣ Европейской Россіи, за исключеніемъ окраинъ, и о той массѣ вполне правильныхъ приговоровъ, о которыхъ никто изъ хулителей даже и не упоминаетъ. Свойственное нашему обществу забвеніе „вчерашняго дня“ сказывается и въ этомъ случаѣ. Рѣшенія присяжныхъ, дававшія нравственное удовлетвореніе общественной совѣсти суровымъ и заслуженнымъ словомъ осужденія виновнаго, никогда не вспоминаются тамъ, гдѣ общественная неосвѣдомленность или предубѣжденіе, не разбирая причинъ оправданія, выдвигаютъ огульное обвиненіе этого противъ суда. А между тѣмъ, я увѣренъ, что каждый судебный дѣятель можетъ припомнить въ своей практикѣ не одно изъ такъ называемыхъ громкихъ дѣлъ, въ которыхъ, несмотря на усилія блестящихъ представителей адвокатуры, присяжные—и подчасъ довольно скромнаго состава—вынесли обвинительный вердиктъ, не поддавшись „внушенію“ красивыхъ словъ и яркихъ декораций и соблазну снять съ себя тяжесть отвѣтственности, ссылаясь на услужливое сомнѣніе или замѣщая настоящаго виновнаго отвлеченными подсудимыми. о которыхъ уже говорилъ въ началѣ этихъ страницъ. Я не могу не вспомнить безъ глубокаго уваженія къ суду присяжныхъ ряда процессовъ, гдѣ они съ честью разобрались въ самыхъ сложныхъ обстоятельствахъ и свято исполнили свой долгъ передъ обществомъ. Дѣла Овсянникова (о поджогѣ паровой мельницы), игуменіи Митрофаніи (о подлогѣ векселей и духовнаго завѣщанія) говорятъ сами за себя. Но я по менѣе громкимъ, хотя иногда еще болѣе сложнымъ дѣламъ, по которымъ мнѣ приходилось выступать обвинителемъ или предсѣдательствовать (обвинительныя рѣчи и руководящія напутствія по которымъ собраны въ моей книгѣ „Судебныя рѣчи“), я не могу указать ни одного рѣшенія присяжныхъ, которое оставило бы въ моей душѣ впечатлѣніе поруганной правды и оскорбленной справедливости. А между тѣмъ, по многимъ изъ нихъ—присяжнымъ приходилось сидѣть по цѣлой недѣлѣ и держать свой курсъ среди прилива и отлива энергической защиты и обвиненія, въ водоворотѣ противорѣчивыхъ свидѣтельскихъ показаній и сложныхъ, далеко не всегда единогласныхъ, экспертизъ. И въ кассационной моей практикѣ мнѣ встрѣчалось

немало вполнѣ разумныхъ рѣшеній, постановленныхъ по дѣламъ, въ которыхъ не только подсудимые, но подчасъ и нѣкоторые мѣстные общественные слои принимали всѣ мѣры, чтобы повліять на провинціальныхъ присяжныхъ рѣчами блестящихъ столичныхъ гастролеровъ, наускунымъ негодованиемъ вліятельныхъ свидѣтелей, глубоко возмущенныхъ „привлеченіемъ невиннаго“, и показаніями свѣдущихъ людей, расходившихся, несмотря на свое ученое высокомеріе, со спокойной и убѣдительною логикою фактовъ. Присяжные засѣдатели не разъ вступались за житейскую правду дѣла, несмотря на искусное перемѣщеніе центра тяжести дѣла въ область безразличныхъ, съ точки зрѣнія уголовного закона, дѣяній. Они вошли въ положеніе несчастной дѣвушки, сдѣлавшейся предметомъ покушенія на ея цѣломудріе со стороны наглаго „красавца-мужчины“ и жертвой лживаго медицинскаго освидѣтельствованія, доведшаго ее до отчаянія и самоубійства, при чемъ по вскрытіи трупа оказалось, что она, провоглашенная чуть не профессиональною проституткою и шантажисткою, была совершенно дѣвственна. Они осудили купца-милліонера, истязавшаго въ далекомъ заграничномъ курортѣ маленькую дѣвочку, взятую для развлеченія его дочери и подвергавшуюся жестокому сѣченію, продолжительному стоянію на колѣняхъ, подъ которыя предварительно ставились горчичники, и сидѣнію обнаженными частями на обширномъ горчичникѣ, крѣпко привязанною къ стулу, — несмотря на то, что весьма ученый судебный врачъ призналъ слѣды этихъ истязаній, о которыхъ съ ужасомъ рассказывала простая женщина — няня въ домѣ купца, за возможные послѣдствія волотухи. На представителей общественной совѣсти не подѣйствовала ни обычные намеки на шантажъ со стороны родителей потерпѣвшей, ни заявленіе настоятеля мѣстной награничной церкви о великомъ благочестіи подсудимаго, выразившемся въ разныхъ щедрыхъ вкладахъ на облаченія, ни лестныя для подсудимаго показанія со стороны ховнина отеля, прислуги и другихъ лицъ, для полученія которыхъ вѣдиль специально за границу особый присяжный повѣренный. Сколько прошло черезъ мои руки дѣлъ, въ которыхъ, напримѣръ, при благосклонномъ содѣйствіи мѣстныхъ властей, здоровыхъ людей, лишь съ первою организаціей, упрятавали родственники или будущіе наследники въ дома умалишенныхъ или добивались признанія ихъ сумасшедшими, — дѣлъ, въ которыхъ предприимчивые люди пользовались для своихъ корыстныхъ цѣлей умственнымъ расстройствомъ потерпѣвшихъ, питавшихъ къ нимъ неограниченное довѣріе; на-

конецъ, дѣлъ, въ которыхъ противъ слабыхъ, беззащитныхъ и безгласныхъ жены или дѣтей, а тѣмъ паче пасынковъ или надчерницъ, практиковалась систематическая, безжалостная жестокость, сопровождаемая побоями, голодашемъ, смертельнымъ истощеніемъ и всякаго рода нравственными пытками, не говоря уже о проявленіяхъ садизма или мщенія за отказъ въ удовлетвореніи противоестественной похоти! И замѣчательно, что въ этихъ случаяхъ суровое нравственное осужденіе, находившее себѣ выраженіе въ обвинительномъ рѣшеніи, исходило отъ простыхъ, трудовыхъ, сѣрыхъ людей, изъ которыхъ многіе изъ подсудимыхъ съ высоты своего матеріальнаго и общественнаго положенія и умственнаго развитія привыкли смотрѣть пренебрежительно и свысока.

Вообще надо замѣтить, что тамъ, гдѣ преступленіе явилось результатомъ страстнаго порыва, которому предшествовали душевные терзанія подсудимаго, какъ результатъ ревности, перенесенной обиды, постояннаго униженія и т. п., присяжные часто бывали склонны къ широкому снисхожденію, а иногда и къ оправданію. Не слѣдуетъ думать, что это было съ ихъ стороны признаніемъ, что страсть все *извиняетъ*, тогда какъ она лишь многое *объясняетъ*,—нѣтъ! Это являлось результатомъ сознанія перенесенныхъ подсудимымъ мукъ, прежде чѣмъ онъ совершилъ свое злое дѣло, страданій, выпавшихъ на его долю до того, какъ онъ предсталъ предъ судомъ, и соображенія о томъ, что ему еще предстоитъ въ случаѣ обвинительнаго вердикта. Изъ такихъ соображеній вытекли, по всѣмъ вѣроятіямъ, и тѣ оправдательныя рѣшенія столичныхъ присяжныхъ по дѣламъ объ облитіи сѣрною кислотою, которыя возбуждали основательную тревогу въ обществѣ, какъ бы знаменуя собою практическую безнравственность одного изъ самыхъ ужасныхъ видовъ мщенія. Полоса подобныхъ рѣшеній прошла въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ и во Франціи, начавшись съ вызвавшихъ страстную полемику дѣлъ Маріи Бьеръ, Тилли и др. Повидимому, эти приговоры были своего рода протестомъ, хотя и неумѣстнымъ, но объяснимымъ для тѣхъ, предъ кѣмъ, на судебномъ слѣдствіи, раскрылась житейская драма подсудимой,— протестомъ противъ нравовъ, допускающихъ легкомысленное, грубо-животное и безсердечное отношеніе къ душѣ потерпѣвшей и къ самому ея существованію. Въ бездушно брошенной на произволъ судьбы дѣвушкѣ (иногда матери вѣбрачныхъ дѣтей) послѣ того, какъ прошла ея молодость, и ея милосердность утратила правую заманчивость въ главахъ того, кто ими

воспользовался „въ свое удовольствіе“,—въ женѣ, сдѣлавшейся, безъ всякой вины, предметомъ надругательства и глумленія со стороны внезапно появившейся, ничѣмъ не связанной съ общимъ супружескимъ прошлымъ, соперницы—присяжные сердцемъ почувствовали жертву, доведенную до отчаянія. Такъ оправдали они еще недавно—охарактеризованную свидѣтелями съ лучшей стороны швею, плеснувшую кислотой въ шеффера при внятномъ домѣ, когда на судѣ обнаружилось, что послѣ девятилѣтняго ухаживанья, онъ обольстилъ ее обѣщаніемъ жениться, а когда возникъ вопросъ о днѣ свадьбы, грубо оскорбилъ ее, заявивъ: „у меня такихъ, какъ ты, много,—не могу я на всѣхъ жениться“. Такъ, не рѣшились они обвинить двухъ женъ, брошенныхъ съ малолѣтними дѣтьми мужьями, и облившихъ кислотой соперницъ, нагло надѣвавшихся надъ обреченными на нищету... Совсѣмъ иначе поступили они въ Петербургѣ, не давъ даже „снисхожденія“, когда предъ ними предсталъ лувавый искатель богатыхъ невѣстъ, ослѣпившій, съ медленно соврѣвшимъ и тщательно обдуманымъ умысломъ, молодую великодушную дѣвушку въ отместку за отказъ выйти за него замужъ.

Почти всегда, несмотря на неблагопріятную обстановку дѣла, присяжные являлись сознательными противниками тѣхъ подсудимыхъ, бездушная, черствая, холодно-расчитанная, обдуманно-корыстная дѣятельность которыхъ вела къ страданіямъ, несчастью и горю потерпѣвшихъ. Но и при этомъ они отводили обыкновенно большое мѣсто даже и въ такихъ преступленіяхъ—накопившейся горечи и раздражительности обвиняемаго, вызваннымъ условіями его несчастной личной жизни. Такимъ образомъ, отвесясь строго и безъ признанія смягчающихъ обстоятельствъ къ женѣ чиновника, воспитанницѣ института, доведшей падчерницу до голодной смерти отъ такого истощенія, что въ ея исхудаломъ тѣлѣ, подъ кожей, завелись насѣкомыя,—или къ вышеупомянутому купцу-истязателю, они, однако, какъ видно было изъ доходившаго до Сената дѣла, оправдали несчастную чахоточную поденницу, брошенную своимъ любовникомъ, расправлявшуюся послѣ тяжелаго рабочаго полуголоднаго дня слишкомъ круто съ жившими въ „углу“ и вызывавшими жалобы другихъ квартирантовъ дѣтьми. Присяжные по моимъ воспоминаніямъ, особливо въ провинціи, рѣдко бывали увлечены нѣкоторыми изъ защитниковъ, любившихъ одно время совѣтовать имъ вдуматься въ слова Шекспира: „Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ!“. Продолженіе этихъ словъ: „однѣ злодѣя въ золото—стальное копье закона сломится безвредно, однѣ его въ лохмотья—и погибнетъ

онъ отъ пустой соломинки пигмея*—огромному числу изъ нихъ было, конечно, неизвѣстно, но житейскій смыслъ и голосъ состраданія, очевидно, побуждали ихъ войти въ положеніе одячаншей въ борьбѣ за кусокъ хлѣба носительницы „дохмотьевъ“ и твердо удержать въ рукѣ по двумъ другимъ дѣламъ „стальное копье закона“.

Отсюда видно, какъ огульными нападки на присяжныхъ по многимъ дѣламъ болѣе поспѣшны, чѣмъ справедливы, особенно потому, что при этомъ совершенно забывается дѣятельность суда вероннаго въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ присяжныхъ засѣдателей, или въ учрежденіяхъ, гдѣ они замѣнены сословными представителями. Можно указать немало случаевъ оправданій, состоявшихся въ Судебныхъ Палатахъ, которыя вызвали бы несомнѣнно рѣзкую критику и осужденіе, будь они постановлены присяжными засѣдателями. Въ кассационной практикѣ встрѣчались примѣры такихъ приговоровъ, ничѣмъ не отличавшихся отъ ставимыхъ въ вину присяжнымъ „помилованій“. Достаточно указать хотя бы на дѣло помѣщика Западнаго Края, обвиняшагося въ подстрекательствѣ и попустительствѣ шестнадцати своихъ рабочихъ къ двухдневному при участіи урядника и при угощеніи водкой истязанію „съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой“ четырехъ лицъ, заподозрѣнныхъ въ кражѣ у него тройки лошадей, при чемъ крики ихъ разносились далеко за предѣлы усадьбы. Одинъ изъ истязуемыхъ лишился навсегда работоспособности, а другой не перенесъ истязаній и умеръ. Судебная Палата, выслушавъ краснорѣчивыя рѣчи о вредѣ конокрадства въ сельскомъ быту, постановила оправдательный о всѣхъ подсудимыхъ приговоръ. Чѣмъ этотъ приговоръ отличается отъ оправдательныхъ рѣшеній присяжныхъ засѣдателей по дѣламъ объ убійствѣ конокрадовъ, за что ихъ обвиняютъ въ извиненіи самосуда? Ихъ упрекали иногда также и въ томъ, что они признаютъ извинительнымъ покушеніе на убійство, когда мотивомъ къ нему послужило желаніе подсудимаго обратить вниманіе общественнаго мнѣнія на свое тяжелое положеніе или на какіе-либо вопіющіе поступки лицъ, власть имущихъ. Достаточно вспомнить нареканія на присяжныхъ по поводу дѣла Вѣры Засуличъ, когда одинъ лишь лѣнивый не бросалъ въ нихъ не только камнями, но, по выраженію автора „Былого и думъ“, даже цѣлой мостовою. Однако въ 1902 году одна изъ Судебныхъ Палатъ, разсматривая дѣло о счетоводѣ городского общественнаго банка Хахалинѣ, обвиняемомъ въ томъ, что имѣя намѣреніе лишить жизни директора банка Степашкина,

онъ произвелъ въ него почти въ упоръ выстрѣлъ, при чемъ пуля, пробивъ сюртукъ и жилетъ, контузила потерпѣвшаго, въ лѣвую часть живота, отвергла *намереніе* обвиняемаго убить, признавъ, что подъ давленіемъ мысли о несправедливости начальства онъ рѣшился своимъ выстрѣломъ вывести эту несправедливость за стѣны банка на судъ общественнаго мнѣнія, и оправдала его, т.-е. признала заслуживающимъ уваженія тотъ же мотивъ, который приводила и Засуличъ въ объясненіе своего поступка. Наконецъ, мнѣ пришлось давать заключеніе въ Сенатѣ по дѣлу предсѣдателя самарской земской управы Алабина, преданнаго суду Судебной Палатой съ участіемъ сословныхъ представителей за бездѣйствіе власти, выразившееся въ томъ, что осенью 1891 года, въ самый разгаръ голода, постигшаго приволжскія губерніи, онъ не только ничего не предпринялъ для обезпеченія добросовѣстнаго исполненія обязательствъ, принятыхъ на себя поставщиками муки и верного хлѣба на 700.000 рублей, но приобрѣлъ въ видѣ муки пятаго сорта, вопреки постановленію земскаго собранія, совершенно негодный продуктъ съ умышленной примѣсью куколя и другихъ сорныхъ травъ, а также гнилую муку, вызвавшую тяжкое заболѣваніе 1.272 крестьянъ, потребителей ея, и обусловившую смерть одной крестьянки. Палата оправдала Алабина, объясняя неисполненіе имъ своей святой въ данномъ случаѣ обязанности его *неумѣlostью* распорядиться имѣвшимися у него средствами. Не говоря уже о томъ, что простое утвержденіе о неумѣlosti человѣка, находящагося на службѣ 48 лѣтъ, бывшаго управляющимъ удѣльной конторой и палатою государственныхъ имуществъ, губернаторомъ въ Болгаріи и самарскимъ городскимъ головою, — звучало болѣе, чѣмъ странно, надо замѣтить, что законъ требуетъ отъ всякаго служащаго „человѣколюбія, усердія къ общему добру и покровительства къ скорбящимъ“, вмѣняя должностному лицу въ „главнѣйшее поношеніе упущеніе должности и нерадѣніе по части блага общаго, ему ввѣреннаго“. Такого приговора, конечно, никогда не изрекли бы присяжные засѣдатели, противопоставивъ, подобно Палатѣ и сословнымъ представителямъ, какъ нѣчто равносильное, *неумѣlostь* опытнаго человѣка и *жестокое быдство*, постигшее населеніе цѣлой губерніи. Коронно-сословный судъ, въ данномъ случаѣ, не могъ не понять, что начало *неумѣlosti*, какъ основаніе къ оправданію, недопустимо потому, что, получивъ право гражданства, оно явилось бы разлагающимъ по отношенію къ началу долга, на которомъ зиждется всякое служеніе. Это начало было бы *опаснымъ*, такъ какъ въ силу его

представлялась бы возможность, относясь легкомысленно, невнимательно, высокомерно или бездушно къ общественному бѣдствію и даже усугубивъ его такимъ отношеніемъ къ дѣлу, уходить изъ-подъ карающей длани закона и драпироваться въ удобную и безопасную мантию неумѣлости. Это начало было бы несогласнымъ съ требованіями нравственности, такъ какъ при допущеніи его привываемый по долгу службы на помощь противъ общаго несчастія, рѣшивъсь взяться за дѣло, сталъ бы руководиться, вмѣсто смиренія предъ важностью задачи и строгой проверки себя и своихъ силъ, —одними лишь вѣщностями къ власти, вліянію и равнаго рода наградамъ.

Присяжныхъ засѣдателей одно время жестоко упрекали за частые оправдательные приговоры по преступленіямъ должности. Подъ вліяніемъ этихъ обвиненій дѣла по преступленіямъ должности были изъяты отъ суда присяжныхъ вмѣсто того, чтобы улучшить условія производства этого рода дѣлъ до поступленія ихъ въ судъ. Въ Судебныхъ Уставахъ отдѣлъ о преслѣдованіяхъ по преступленіямъ должности всегда составлялъ самую слабую часть. На ней сильнѣе всего отразилось вліяніе того „ветхаго Адама“ нашего стараго бюрократическаго строя, „совлечь“ который съ нашей судебной жизни были не въ силахъ, несмотря на все свое желаніе, составители этихъ Уставовъ. Дача этимъ дѣламъ законнаго хода почти всецѣло была предоставлена усмотрѣнію начальства обвиняемаго. Слишкомъ большой просторъ, данный въ этомъ случаѣ личному взгляду, и отсутствіе законныхъ сроковъ для истребованія объясненій обвиняемыхъ создавала цѣлый рядъ ненормальныхъ отступленій отъ правильнаго и правосуднаго хода этихъ дѣлъ. Къ производству слѣдствія приходилось приступать зачастую при исполнѣ остывшихъ и изглаженныхъ слѣдахъ преступленія. Наиболѣе крупнымъ участникамъ преступленій удавалось во многихъ случаяхъ занять положеніе простыхъ свидѣтелей, а на скамьѣ подсудимыхъ фигурировалъ обыкновенно традиціонный „стрѣлочникъ“. Если же судебная власть пыталась привлечь дѣйствительно виновнаго, то ей предстоялъ цѣлый рядъ мытарствъ, именуемыхъ въ законѣ „пререканіями“, какъ по вопросу о привлеченіи къ отвѣтственности, такъ и по вопросу о преданіи суду. Это затягивало дѣло еще на новые сроки и давало поводъ обвиняемому ссылаться на равные злоключенія, пережитыя имъ до судебного засѣданія, что въ свою очередь не могло не вліять на приговоръ присяжныхъ. Какъ на типическій примѣръ ненормальныхъ условій предварительнаго до-

судебнаго производства дѣлъ по преступленіямъ должности, и могу указать на дѣло полицеймейстера одного изъ большихъ приволжскихъ городовъ, который, грозя вслѣдствіе анонимнаго доноса, двумъ дѣвушкамъ изъ мѣстной „буржуазіи“ зачисленіемъ ихъ въ разрядъ проститутокъ, вынудилъ ихъ для снятія съ себя оскорбительнаго и незаслуженнаго подозрѣнія подвергнуться медицинскому освидѣтельствуванію въ компаніи зарегистрированныхъ публичныхъ женщинъ, при чемъ несчастныя опозоренныя дѣвушки оказались невинными. Жалобы ихъ родителей оставлены были начальствомъ, на лонѣ котораго покоялся предприимчивый полицеймейстеръ, безъ послѣдствій. Тогда вступился въ дѣло прокуроръ, но и его домогательства о привлеченія виновнаго встрѣтили отпоръ въ Губернскомъ Правленіи, и лишь Сенатъ, разсмотрѣвшій пререканія между Губернскимъ Правленіемъ и прокуроромъ, предписалъ привлечь полицеймейстера къ отвѣтственности. Но и затѣмъ, когда слѣдствіе съ заключеніемъ прокурора о преданіи суду поступило въ Губернское Правленіе, послѣднее съ нимъ не согласилось. Тогда вновь возникло пререканіе, которое было разрѣшено постановленіемъ Сената о преданіи суду. Покуда медленно двигалась громоздкая колымага пререканій, дѣло въ значительной степени выпвѣло, и въ концѣ концовъ виновный въ возмутительномъ надругательствѣ надъ честью и достоинствомъ двухъ беззащитныхъ предъ вѣренной ему властью дѣвушекъ отдѣлался пустяками и остался на своемъ мѣстѣ, при чемъ этотъ приговоръ былъ постановленъ не присяжными засѣдателями.

Большая часть неудовлетворительныхъ рѣшѣній присяжныхъ относилась къ растратамъ вѣреныхъ по службѣ суммъ. При разбирательствѣ—съ одной стороны обнаруживалось полное отсутствіе какихъ бы то ни было началъ правильной отчетности въ нашихъ волостныхъ и сельскихъ правленіяхъ, а съ другой стороны присяжныхъ не могло не смущать то, что карательные законы на должностную растрату не допускаютъ смягченія наказанія и уменьшенія отвѣтственности въ случаяхъ обязательства пополнить растроченное по легкомыслію, что однако существуетъ по отношенію къ растратамъ въ частномъ быту. Уже двадцать четыре года дѣйствуетъ по этимъ дѣламъ Судебная Палата съ сословными представителями, но участіе этихъ представителей именно по этимъ дѣламъ не можетъ быть признано цѣлесообразнымъ и во многихъ отношеніяхъ представляетъ своеобразные недостатки, которые приписывали суду присяжныхъ его противники. Въ 1895 году многіе изъ стар-

шихъ предсѣдателей Палаты присоединились къ заявленію одного изъ нихъ, что „временные члены“ относятся весьма пассивно къ своимъ обязанностямъ и во всякомъ случаѣ не осуществляютъ той строгости, въ расчетѣ на которую дѣла по преступленіямъ должности были отняты у присяжныхъ засѣдателей. По заявленію одного старшаго предсѣдателя, обыкновенно, по входѣ въ совѣщательную комнату для рѣшенія дѣла, представители дворянства спрашиваютъ о томъ, какое самое малое наказаніе за судимое преступленіе, и съ размѣромъ его соображаютъ и выводъ свой о виновности;—представители города спрашиваютъ у предсѣдателя, нельзя ли оправдать подсудимаго; волостные старшины на вопросъ объ ихъ мнѣніи обращаются въ свою очередь къ предсѣдателю съ вопросомъ: „какъ прикажете?“. Поэтому, въ сущности, дѣло рѣшаютъ коронные судьи, присутствіе которыхъ вызываетъ во временныхъ членахъ равнодушное отношеніе къ подаваемому мнѣнію, въ исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, гдѣ оно упорно тенденціозно и слѣдовательно неправоудно. Вместе съ тѣмъ, какъ показала практика Палаты, *надлежащіе* сословные представители дворянства и городовъ всемирно уклоняются отъ исполненія своихъ судебныхъ обязанностей, замѣняя себя, въ порядкѣ обратной постепенности, совершенно неподходящими лицами, въ родѣ секретарей дворянскихъ депутатскихъ собраній и членовъ городскихъ управленій по надзору за торговлею и т. п. Еще въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ тогдашній прокуроръ Петербургской Судебной Палаты, Муравьевъ, сдѣлалъ въ юридическомъ обществѣ очень поучительный докладъ, въ которомъ со свойственной ему ясностью и категоричностью доказывалъ съ цифрами въ рукахъ, какъ шатки и произвольны надежды, возлагаемыя на особую репрессивность суда безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Въ комиссіи по пересмотру Судебныхъ Уставовъ онъ поддерживалъ—уже въ качествѣ министра юстиціи—замѣну сословныхъ представителей спеціальными присяжными засѣдателями особаго состава съ повышеннымъ имущественнымъ и образовательнымъ цензомъ. А нынѣ теперешній министръ юстиціи Н. Г. Щегловъ, при обсужденіи въ мартѣ истекшаго года въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта законопроекта о порядкѣ преслѣдованія должностныхъ лицъ, на основаніи многолѣтняго и разносторонняго опыта, высказался рѣшительнымъ образомъ за возвращеніе дѣлъ о преступленіяхъ должности суду присяжныхъ засѣдателей.

Есть еще одинъ упрекъ, дѣлаемый присяжнымъ ихъ теоретическими и практическими противниками,—упрекъ въ пассивности и малой самодѣтельности. Но и этотъ упрекъ, по моимъ наблюденіямъ и воспоминаніямъ, несправедливъ. Судебная практика представляетъ случаи, гдѣ коронные судьи пользовались предоставленнымъ имъ статьею 818 Уст. Угол. Суд. правомъ и, находя, что рѣшеніемъ присяжныхъ осужденъ невиновый, передавали дѣла другому составу присяжныхъ для новаго разсмотрѣнія. Въ семидесятыхъ годахъ обратило на себя вниманіе дѣло домовладѣлицы одного изъ уѣздныхъ городовъ Петербургской губерніи, обвиняемой въ поджогѣ своего дома съ цѣлью полученія преувеличенной страховой преміи. Несмотря на существующую вообще трудность добычи и выясненія *доказательствъ* поджога, присяжные признали подсудимую виновной. Сенатъ отмѣнилъ приговоръ по судопроизводственнымъ нарушеніямъ, и присяжные снова вынесли обвинительное рѣшеніе. Тогда судъ примѣнилъ 818 статью, но новый составъ присяжныхъ согласился со своими предшественниками. То же самое произошло въ одной изъ южныхъ губерній въ восьмидесятыхъ годахъ по дѣлу о священникѣ и его женѣ, обвиняемыхъ въ отравленіи дѣтска. Нужно ли затѣмъ упоминать о такихъ, напримѣръ, случаяхъ, вовсе не свидѣтельствующихъ о пассивности присяжныхъ, какъ очень частыя просьбы присяжныхъ о постановкѣ судомъ дополнительныхъ вопросовъ, подлежащихъ ихъ разрѣшенію;—какъ заявленіе о томъ, что обвиненіе, въ смыслѣ квалификаціи дѣянія подсудимаго, должно быть поставлено строже, и на мѣсто вопроса о запальчивости и раздраженіи слѣдуетъ поставить вопросъ о предумышленіи;—какъ отказъ отъ разрѣшенія дѣла, представляющагося неяснымъ по отсутствію на судѣ важнаго свидѣтеля или сообщника подсудимаго,—какъ, наконецъ, просьбы нѣкоторыхъ присяжныхъ объ освобожденіи отъ ихъ обязанностей, такъ какъ еще до судебного засѣданія у нихъ, по слухамъ и частнымъ свѣдѣніямъ, составилось непреодолимое убѣжденіе въ виновности или невиновности подсудимаго, могущее оказать давленіе на товарищей.

Остается сказать еще о тѣхъ вызывающихъ нареканія приговорахъ присяжныхъ засѣдателей, которые смущаютъ чрезмѣрно широкимъ примѣненіемъ понятія о невиновности подсудимаго въ то время, когда весь образъ его дѣйствій, рассчитанная и подготовленная жестокость преступленія, обдуманное сокрытіе слѣдовъ послѣдняго или система своего оправданія—заставляютъ

позволяло усомниться въ томъ, что суду пришлось имѣть дѣло съ больнымъ. Психіатрическая экспертиза въ послѣдніе годы все болѣе и болѣе переходитъ изъ области одного изъ видовъ доказательствъ въ область рѣшительныхъ приговоровъ, облеченныхъ всѣми внѣшними атрибутами непререкаемой научности. Кто слѣдилъ за объясненіями свѣдущихъ людей въ столицахъ и большихъ центрахъ по вопросамъ о вмѣненіи, не можетъ не замѣтить, какъ подъ ихъ вліяніемъ постепенно расширяется понятіе о невмѣняемости и суживается понятіе объ отвѣтственности. Въ большинствѣ такъ называемыхъ сенсационныхъ процессовъ предъ присяжными развертывается яркая картина эгоистическаго бездушія, нравственной грязи и беспощадной корысти, которыя, въ погнѣхъ не нуждающагося въ трудѣ и жаднаго къ наслажденіямъ существованія, привели обвиняемаго на скамью подсудимыхъ. Задача присяжныхъ при созерцаніи такой картины должна имъ представляться хотя и тяжелой „по челоуѣчеству“, но, однако, не сложной. Но вотъ фактическая сторона судебного слѣдствія окончена, допросъ свидѣтелей и осмотръ вещественныхъ доказательствъ завершенъ, и на сцену выступаютъ служители науки во всеоружіи страшныхъ для присяжныхъ словъ: нравственное помѣшательство, невращенія, абулія, психопатія, вырожденіе, атакіямъ, наследственность, автоматизмъ, автогипнозъ, навязчивое состояніе, навязчивыя идеи и т. п. Краски житейской картины, которая казалась такою ясною, начинаютъ тускнѣть и стираться, и, вмѣсто челоуѣка, забывшаго страхъ Божій, заглушившаго въ себѣ голосъ совѣсти, утратившаго стыдъ и жалость въ жадномъ желаніи обогатиться во что бы то ни стало, утолить свою ненависть мщеніемъ или свою похоть насиліемъ—выступаетъ по большей части не отвѣтственный за свои поступки по своей психофизической организаціи челоуѣкъ. Не онъ управлялъ своими поступками и задумывалъ свое злое дѣло, а во всемъ виноваты влія мачехи—природа и жизнь, пославшія ему морелевскія уши или гутчинсоновскіе зубы, слишкомъ длинныя руки, или сѣдлообразное небо или же наградившія его,—въ данномъ случаѣ въ счастью,—въ боковыхъ и восходящихъ линіяхъ близкими родными, изъ которыхъ нѣкоторые были пьяницами, или болѣли сифилисомъ, или страдали падучей болѣзью, или, наконецъ, проявляли какую-либо ненормальность въ своей умственной сферѣ. Въ душѣ присяжныхъ поселяется смущеніе,—и боязнь осужденія больного—слѣпой и безцельной игрушки жестокой судьбы—диктуетъ имъ оправдательный приговоръ, чему

способствуетъ благоговѣнное преклоненіе защиты передъ авторитетнымъ словомъ науки и почти обычная слабость знаній у обвинителей въ области психологіи и ученія о душевныхъ болѣзняхъ. На нашихъ глазахъ создавалось и проникло въ науку ученіе о неврастеніи, впервые провозглашенное американцемъ Бирдомъ, и разлилось безбрежною рѣкою, захватывая множество случаевъ слабости воли, доходя до совершенно невысказанныхъ проявленій невѣроятности въ родѣ мнительности, склонности къ сомнѣніямъ, боязни острыхъ и колющихъ предметовъ (belalofobia), антививисекціонизма, болѣзненной наклонности къ опрятности и, наконецъ, такого естественнаго, хотя и печальнаго чувства, какъ ревность. И несмотря на то, что современная жизнь съ ея ухищреніями и осложненіями, съ ея гипертрофіей духа и атрофіей тѣла, съ ея безпощадной борьбой за существованіе, конечно, не можетъ не отражаться на нервности современнаго человѣка, ничуть не исключаящей невѣроятности, приходится часто слышать въ судахъ разсужденіе о томъ, что подсудимый страдаетъ какимъ-нибудь признакомъ неврастеніи, или по новѣйшей терминологіи психастеніей. — освобождающей его отъ ответственности или во всякомъ случаѣ ее уменьшающей. Когда недавно вызвали справедливыя ропотъ и понятное смущеніе дѣйствія судебнаго слѣдователя, допустившаго въ своихъ протоколахъ рядъ искаженій и умышленныхъ поддѣлокъ въ цѣляхъ раздутія объема изслѣдуемаго имъ политическаго преступленія, эксперты наши, что онъ страдаетъ цереброспинальною неврастеніей, которая, однако, не помѣшала ему считаться способнымъ и усерднымъ — быть можетъ слишкомъ усерднымъ — слѣдователемъ и затѣмъ членомъ судебной коллегіи. На нашихъ глазахъ появился и терминъ „психопатія“, впервые произнесенный въ русскомъ судѣ на процессѣ Мироновича и Семеновы, обвиняемыхъ въ убійствѣ Сарры Беккеръ. Эта психопатія получила тоже чрезмѣрное право гражданства въ судѣ. Слово стало популярнымъ. „Признаете ли вы себя виновнымъ?“ спрашиваетъ предсѣдатель человѣка, обвиняемаго въ рядѣ крупныхъ мошенничествъ и подлоговъ. „Что же мнѣ признавать?“ не безъ горделиваго задора отвѣчаетъ подсудимый: „я вѣдь психопатъ“... „Дѣйствовать въ состояніи психопатіи“, пишетъ въ своей кассационной жалобѣ отставной фельдшеръ, обвиненный въ умышленномъ отравленіи, „я не могу признать правильнымъ состоявшимся о мнѣ приговоръ“ и т. д. Такимъ образомъ это слово служитъ какъ бы для опредѣленія такого со-

стоянія, въ которомъ все дозволено, и которое составляетъ для подсудимаго своего рода *position sociale* или, вѣрнѣе, *antisociale*. Въ благородномъ стремленіи оградить права личности подсудимаго и избѣжать осужденія больного и недоразвитаго подъ видомъ преступнаго въкоторыя представители положительной науки иногда доходятъ до крайнихъ предѣловъ, противъ которыхъ протестуетъ не только логика жизни, но подчасъ и требованія нравственности. Наслѣдственность, несомнѣнно существующая въ большинствѣ случаевъ лишь какъ почва для дурныхъ вліяній среды и неблагоприятныхъ обстоятельствъ, и притомъ исправляемая приливомъ новыхъ ядоровыхъ соковъ и силъ, является лишь эвентуальнымъ факторомъ преступленія. Ее нельзя разсматривать съ предвзятой односторонностью и чрезвычайными обобщеніями, приводящими къ мысли объ атавизмѣ, къ силу котораго современное общество, по мнѣнію итальянскихъ антропологовъ-криминалистовъ, заключаетъ въ себѣ огромное количество людей—до 40% всѣхъ обвиняемыхъ, представляющихъ запоздалое одичаніе, свойственное ихъ пра-родителямъ первобытной эпохи. Насколько эти обобщенія бываютъ произвольны, видно, напримѣръ, изъ того, что къ одному изъ признаковъ вырожденія извѣстнымъ Ломброзо и его послѣдователями долгое время бывала относима страсть людей преступнаго типа къ *татуировкѣ*. Однако на международномъ антропологическомъ конгрессѣ въ Брюсселѣ было доказано, что всего болѣе татуировка распространена не въ мірѣ нарушителей закона, страдающихъ атрофіей нравственнаго чувства, или прирожденныхъ преступниковъ, а въ высшихъ кругахъ лондонскаго общества, гдѣ существуютъ особы профессора татуировки, получающіе за свои рисунки на тѣлѣ разныхъ дѣвцъ и лѣди суммы, доходящія до 100 фунт. стерлинговъ за узоръ. Понятно, что подъ вліяніемъ этихъ взглядовъ и теорій, въ которыхъ главное вниманіе экспертовъ направляется не на поступки подсудимаго и другія фактическія данныя дѣла, а на отдаленные и лишь возможные етіологическіе моменты предполагаемаго въ немъ состоянія невмѣняемости въ моментъ совершенія преступленія,—присяжные иногда послѣ долгихъ колебаній не рѣшаются произнести обвинительнаго приговора. Мнѣ пришлось однажды слышать въ засѣданіи суда мнѣніе весьма почтеннаго эксперта, доказывавшаго, что подсудимый, обвиняемый въ убійствѣ въ запальчивости и раздраженіи, долженъ быть признанъ невмѣняемымъ, потому что находится въ состояніи душевнаго расстройтва, характернаго отсутствіемъ или

подавленностью нравственныхъ началъ, очевиднымъ изъ того, что по дѣлу онъ представляется хитрымъ и тщеславнымъ эгоистомъ съ наклонностью къ жестокости и разврату. Миѣ хотѣлось спросить эксперта, не находятъ ли онъ, въ виду такихъ выводовъ, что только тихіе, великодушные и нравственно-чистые люди являются субъектами, представляющими исключительный матеріалъ для вмѣненія, и что эти ихъ свойства, въ случаѣ совершенія преступленія въ страстномъ порывѣ, неминуемо должны обращаться имъ во вредъ?

Въ годы моей непосредственной работы съ присяжными крайности экспертизы, направленной въ сторону широкихъ обобщеній и односторонне понимаемаго человеколюбія, были сравнительно рѣдки, но въ послѣдніе годы они значительно участились. Молодой человекъ университетскаго образованія, отлынивающій отъ всякихъ опредѣленныхъ занятій, въ теченіе четырехъ лѣтъ занимается искусно обставленной и ловко задуманной кражей дорогихъ шубъ въ гостиницахъ, театрахъ и публичныхъ собраніяхъ, а также, выдавая себя за мѣстнаго мирового судью, требуетъ довѣрія къ своимъ заказамъ въ дорогихъ ресторанахъ, отказываясь затѣмъ платить по счетамъ. Психіатрическая экспертиза утверждаетъ, что онъ представляетъ признаки физическаго и психическаго вырожденія и поэтому невмѣняемъ.—Пятнадцати и восемнадцати-лѣтнія дѣвушки, возненавидѣвъ воспитательницу старшей изъ нихъ, достаютъ цѣпаный калъ и пускаютъ его въ дѣло, но въ недостаточной довѣ; затѣмъ принимаютъ мѣры, чтобы добыть стрихнинъ, но, когда и онъ недостаточно скоро дѣйствуетъ, то убиваютъ старуху во время сна топоромъ—и, по миѣнію экспертовъ, совершаютъ это все, дѣйствуя *безъ разумія*. — Молодой человекъ, о которомъ всѣ отзываются, какъ объ умномъ, хитромъ, очень способномъ и понятливомъ, но лѣнивомъ, рѣшительно не желаетъ учиться, а желаетъ жить и кутить на счетъ богатаго отца и, когда послѣдній требуетъ отъ него трудовыхъ занятій, грозитъ ему убійствомъ, старается раздобыть ядъ и револьверъ и, наконецъ, подкравшись ночью къ спящему отцу, зарѣзываетъ его припасеннымъ ножомъ, выписавъ предъ тѣмъ въ записную книжку статьи Уложенія—о наказаніяхъ за отцеубійство. Послѣ убійства, восклицая: „собакѣ собачья смерть!“ онъ идетъ съ пріятелемъ выпить и закусить и отправляется въ объятія проститутки, а изъ-подъ ареста спрашиваетъ письмами, нельзя ли пригласить защитника, умѣющаго гипнотизировать присяжныхъ, и какая часть наслѣд-

ства послѣ отца достанется ему въ случаѣ оправданія. На судѣ эксперты находятъ, что у подсудимаго ассиметрія лица и приростія мочки ушей (морелевскія уши); покатыя лобъ и длинныя ноги; у него притуплено нравственное чувство, онъ угрюмъ и не сразу отвѣчаетъ на вопросы, подергиваетъ плечомъ и неумѣстно улыбается. Кромѣ того, его отецъ лѣчился отъ ревматизма, а мать страдала бессонницей и дважды лѣчилась отъ нервовъ. Все это, какъ дважды два доказываетъ, что подсудимый глубокой вырожденецъ, заслуживающій состраданія, а не осужденія. И вотъ присяжные, не рѣшаясь идти противъ такого многосторонняго вывода, давшаго, конечно, благодарный матеріалъ для гипова защитительной рѣчи, выносятъ оправдательный приговоръ. Можно ли ихъ винять за это, когда и коронный судъ, быть можетъ, затруднился бы мотивировать свое несогласіе съ категорическимъ взглядомъ нѣсколькихъ спеціалистовъ, говорящихъ отъ имени и во имя науки. Но дозвоительно спросить, не смѣшала ли они въ данномъ случаѣ послѣдствія съ причинами, не нашли ли, что *post hoc ergo propter hoc* и не слишкомъ ли щедро одарили они злого бездѣльника дарами болѣе чѣмъ сомнительной наследственности, причисливъ, между прочимъ, къ признакамъ вырожденія и то, что сидящій на скамьѣ подсудимыхъ отцеубійца не находится въ свѣтломъ настроеніи духа, а угрюмъ и, рассчитывая, какъ онъ самъ являлся при слѣдствіи, быть признаннымъ дѣйствующимъ въ умонветупленіи, медлитъ отвѣтами на вопросы о предумышленности своего злодѣянія.

Для полноты обзора условій дѣятельности присяжныхъ остается еще указать на нѣкоторыя явленія въ нашей судебной жизни, вслѣдствіе которыхъ присяжные вызываютъ противъ себя нареканія, будучи, въ сущности „безъ вины—виноватыми“. Такъ бывають случаи, когда Судебная Палата по обвинительной камерѣ, встрѣтись съ недостаточностью уликъ, не прекращаетъ своимъ властнымъ словомъ дѣла, а рѣшаетъ лучше предоставить высказаться присяжнымъ, суду конкъ и предасть обвиняемаго. Взваливая, такимъ образомъ, свое законное бремя на ихъ плечи, Палата забываетъ о своей обязанности *опрадыть*—обвиняемаго отъ лишенаго достаточныхъ основаній предація суду и сопряженныхъ съ этимъ напрасныхъ страданій,—а присяжныхъ отъ еще большихъ сомнѣній, чѣмъ еи, что почти неминуемо должно повлечь оправдательный приговоръ послѣ судебной процедуры, которую слѣдовало своевременно предотвратить. Таковы также случаи, когда судебный слѣдователь, по какимъ-либо причинамъ, не

держится строго установленных для него рамок създственнаго судьи, а смѣшивая и переплетая негласный *розмыскъ* со *судственными дѣйствіями*, становится игрушкой въ рукахъ служебныхъ и добровольныхъ сыщиковъ, всегда одностороннихъ, часто нечистоплотныхъ въ пріемахъ и нерѣдко лично заинтересованныхъ въ направленіи слѣдствія по тому или другому пути. Собираніе и оцѣнка доказательствъ обращается при этомъ въ необдуманныя порыванія въ разныя стороны съ ущербомъ для ясности дѣла и если оно ставится на судъ, то присяжные, подавленные сумбуромъ противурѣчивыхъ данныхъ и отсутствіемъ обдуманной послѣдовательности въ ихъ добываніи — видятъ, и совершенно справедливо, въ оправдательномъ рѣшеніи спасительный исходъ изъ своихъ сомнѣній.

Говоря о присяжныхъ засѣдателяхъ, нельзя забывать и педагогическаго значенія суда присяжныхъ и значенія ихъ рѣшеній, какъ показателей для законодателя, не замыкающагося въ канцелярскомъ самодовольствѣ, а чутко прислушивающагося къ общественнымъ потребностямъ и къ требованіямъ народнаго правового чувства. Важная *педагогическая* роль этого суда состоитъ въ томъ, что люди, оторванные на время отъ своихъ обыденныхъ и часто совершенно безцвѣтныхъ занятій и соединенные у одного общаго, глубокаго по значенію и по налагаемой имъ нравственной отвѣтственности дѣла, уносятъ съ собою, растекаясь по своимъ уголкамъ, не только возвышающее сознаніе исполненнаго долга общественнаго служенія, но и облагораживающее воспоминаніе о внимательномъ отношеніи къ людямъ и о достойномъ обращеніи съ ними. А это такъ полезно, такъ необходимо въ виду многихъ привычекъ и замашекъ, воспитанныхъ нашею обыденною жизнью! Не менѣе важенъ судъ присяжныхъ и какъ *показатель для законодателя*. Примеромъ оправдательныхъ приговоровъ, составлявшихъ свыше 62% всего числа постановляемыхъ присяжными и вставившихъ законодателя призадуматься и выйти изъ совердательнаго положенія, — явились приговоры по паспортнымъ дѣламъ. Предъ присяжными не было потерпѣвшаго, не было ничьего матеріальнаго ущерба, не было со стороны подсудимаго ни мщенія, ни ненависти, ни корысти — а было нарушеніе отжившихъ своей вѣкѣ правилъ... Потерпѣвшею являлась *паспортная система*, гровившая за неуваженіе къ себѣ тяжкими карами. А между тѣмъ обстановка и житейскія условія обвиняемаго зачастую уваживали на то, что онъ былъ вынужденъ прибѣгнуть къ нарушенію формальныхъ правилъ, обременяющихъ

его на неизбежныя нравственныя страданія или трудовыя затрудненія. И паспортныя преступленія были коррекціонализированы, т.-е. наказаніе за нихъ уменьшено настолько, что дѣла о нихъ пришлось распредѣлить между безприсяжнымъ судомъ и мировыми судьями. Къ сожалѣнію, однако, рѣдко оказывалось наше законодательство столь отзывчивымъ на голосъ общественной совѣсти, авучащій въ оправдательномъ рѣшеніи присяжныхъ. Оно предпочитало, при повторяемости такихъ рѣшеній, передавать дѣло отъ присяжныхъ—сословнымъ представителямъ, т. е. въ сущности, какъ мною уже замѣчено, коронному суду, не утруждая себя пересмотромъ хотя бы отдельныхъ статей Уложенія о Наказаніяхъ съ точки зрѣнія ихъ житейской примѣнимости. Во время моего предсѣдательства, въ Петербургскомъ Окружномъ Судѣ было вынесено присяжными оправданіе восемнадцатилѣтнему письмоносцу Алексѣеву, обвинявшемуся въ утайкѣ и растратѣ части ввѣренной ему корреспонденціи, просидѣвшему восемь мѣсяцевъ подъ стражей и чистосердечно сознавшемуся, ссылаясь на позную невозможность аккуратной и своевременной доставки массы писемъ, приходившихся на его долю. Оправданіе это вызвало не только „негодованіе“ и „возмущеніе“, но даже и одну изъ министерскихъ „бесѣдъ“ о дальнѣйшей судьбѣ суда присяжныхъ. А между тѣмъ, почти вслѣдъ за слушаніемъ этого дѣла, былъ опубликованъ отчетъ о дѣятельности письмоносцевъ въ Петербургѣ; изъ него оказывалось, что въ послѣднее трехлѣтіе предъ дѣломъ Алексѣева число письмоносцевъ увеличилось на 66 человекъ (всего было 592 лѣтомъ и 537 зимой), а число доставленныхъ писемъ увеличилось на 6.164.000, такъ что каждому приходилось вмѣсто 36.000 писемъ въ годъ разнести 50.000, при чемъ на содержаніе письмоносцевъ почтовый департаментъ испрашивалъ ежегодно сумму въ 75.000 р. Казалось бы, что вмѣсто негодованія на присяжныхъ слѣдовало прислушаться къ ихъ рѣшенію и подумать объ улучшеніи соотношенія между силами письмоносцевъ, лежащимъ на нихъ трудомъ и вознагражденіемъ за него. Казалось бы... но въ дѣйствительности департаментъ экономін Государственнаго Совѣта въ близорукихъ работахъ о сокращеніи расходовъ уменьшилъ испрашиваемую ничтожную сумму на пять тысячъ...

Въ нынѣшнемъ году наступаетъ пятидесятилѣтіе Судебныхъ Уставовъ, создавшихъ и водворившихъ судъ присяжныхъ въ Россіи. Много пришлось ему пережить тяжелаго и даже опаснаго для его существованія. Но странной судьбѣ многихъ изъ

нашихъ учрежденій эпоха „великихъ реформъ“ опасность эту грозила одновременно и со стороны враговъ, и со стороны равнодушныхъ, и со стороны слѣпыхъ приверженцевъ. Не желая видѣть ненормальности многихъ условій, въ которыя была поставлена дѣятельность этого суда, *враги* обращали отдѣльные, спорадическіе факты, возможные во всякомъ дѣлѣ человѣческаго несовершенства, въ общее обвиненіе и раздували рѣдкіе острые случаи въ ненадѣлимый хроническій недугъ. *Равнодушные*, облеченные властью и починомъ для устранения недостатковъ этого суда, давали имъ вѣтъ и укореняться годами и даже десятилѣтіями и замыкались въ биворужномъ бездѣйствіи законодательной рутинѣ. *Приверженцы* боялись сознаться, что у суда присяжныхъ есть и могутъ быть недостатки, чтобы не дать новаго оружія въ руки его враговъ. Но никѣмъ не охраняемые и подчасъ яростно осуждаемые, какъ „судъ улицы“, русскіе присяжные дѣлали свое дѣло, не рассчитывая на награды и повышенія, и не страшась личнаго неудовольствія начальства или отвѣтственности за то, что послушались голоса совѣсти. Когда въ 1895 году состоялось въ Петербургѣ спеціально созванное совѣщаніе старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ Судебныхъ Палатъ,—ихъ общій выводъ былъ безусловно въ пользу присяжныхъ сравнительно съ другими формами суда. Изучившіе его на своей многолѣтней практикѣ, эти лица нашли, что судъ присяжныхъ есть судъ жизненный, имѣющій облагораживающее вліяніе на народную нравственность, служащій проводникомъ народнаго правосознанія. Не отходить въ область недалекихъ преданій, а окончательно укрѣпиться въ русской жизни долженъ онъ. Русский присяжный засѣдатель, въ особенности изъ крестьянъ, которые кладутъ, какъ неоднократно замѣчено, призывную повѣстку, сулящую имъ тяжелый трудъ и матеріальныя лишенія, за образа—честно и стойко вынесъ и выносятъ тотъ опытъ, которому его подвергъ законодатель. Думалось, что послѣ такого прѣговора свѣдущихъ людей, изучившихъ и испытавшихъ судъ присяжныхъ на дѣлѣ, въ его статикѣ и динамикѣ, а не на страницахъ газетныхъ отчетовъ о процессахъ,—можно было считать его прочно обезпеченною. Но у насъ, въ странѣ „неожиданныхъ возможностей“, случилось не такъ. Безъ всякаго вѣдѣнаго повода, при затишьѣ въ лагерьъ противниковъ, министромъ юстиціи Муравьевымъ былъ возбужденъ въ Комиссіи по пересмотру Судебныхъ Уставовъ (при чемъ необходимый и полезный ремонтъ ихъ грозилъ обратиться, во многихъ отноше-

ніяхъ, въ коренную и легкомысленную ломку) вопросъ о самомъ существованіи у насъ суда присяжныхъ, и по его настояніи были открыты для похода противъ послѣдняго страницы оффиціальнаго журнала Министерства Юстиціи. На его страницахъ и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ появились „обличительныя статьи“ практическихъ противниковъ этого учрежденія, встрѣтившія горячій и достойный отпоръ со стороны Г. А. Джаншѣва („Судъ надъ судомъ присяжныхъ“). Затѣмъ совершенно неожиданно выступилъ со страстными статьями и юридическими фельетонами, исполненными инсинуацій противъ вступниковъ въ присяжныхъ, бывшій прокуроръ Харьковской Судебной Палаты сенаторъ И. П. Закревскій, перешедшій, „avec armes et bagages“ во вражескій станъ. Такое обращеніе виднаго судебнаго дѣтеля изъ „Павловъ въ Савлы“ было знаменательно и представляло тревожный признакъ новыхъ испытаній для суда присяжныхъ. Но страшень сонъ да милостивъ Богъ! Въ многолюдномъ, ad hoc, засѣданіи Комиссіи лишь трое изъ противниковъ этого суда, никогда, впрочемъ, не скрывавшіе своего мнѣнія, прямодушно подали голосъ противъ него и остались вѣрными себѣ, а Закревскій беззаастѣливо заявилъ, что его возраженія имѣли лишь значеніе теоретическое, и снисходительно допустилъ существованіе этой формы суда для Россіи. Такимъ образомъ надо думать, что вопросъ объ упраздненіи у насъ суда присяжныхъ окончательно отошелъ въ область прошлаго, и что наши представительныя законодательныя учрежденія никогда сами не поднимутъ его и, во всякомъ случаѣ, никогда его не поддержать. Хочется надѣяться, что наши судебныя дѣтели будутъ, въ своей совмѣстной работѣ съ присяжными, облегчать имъ ихъ высокую задачу и, любовно руководя ими, не стануть подвергать ихъ тяжелымъ испытаніямъ необдуманнми обвиненіями или одностороннимъ освѣщеніемъ дѣла.

Несомнѣнно, что судъ присяжныхъ, какъ и всякій судъ, отражаетъ на себѣ недостатки общества, среди котораго онъ дѣйствуетъ и изъ нѣдръ котораго онъ выходитъ. Поэтому иногда, слушая ссылки на „общественное негодованіе“ по поводу нѣкоторыхъ оправдательныхъ приговоровъ, обыкновенно отмѣняемыхъ кассаціоннымъ судомъ по нарушенію формъ и обрядовъ судопроизводства, невольно вспоминаешь Гоголя. „Надъ кѣмъ смѣетесь?! восклицаетъ онъ въ Ревизорѣ устами городничаго:— надъ собой смѣетесь!“— „Чѣмъ возмущаетесь?“ хочется сказать этимъ ярымъ хулителямъ, говорящимъ отъ лица общества: „собой

возмущаетесь!" По этому поводу интересно отиѣтить, что, по сообщенію газетъ, въ Москвѣ недавно состоялось въ одномъ изъ литературныхъ собраній „засѣданіе“, посвященное суду надъ женоубійцей изъ ревности—героемъ пьесы Арцыбашева. Были избраны присяжные, допрошенъ экспертъ, докторъ Каннабихъ, признавшій, что обвиняемый дѣйствовалъ не въ патологическомъ, а въ физиологическомъ аффектѣ и потому вмѣняемъ, были произнесены „увлекательныя“ и „горячія“ рѣчи обвинителемъ и двумя гражданскими истцами, покрытыя аплодисментами публики,—затѣмъ сказаны „красивыя, но безъ подъема“ рѣчи двухъ защитниковъ, и при общемъ „твердомъ убѣжденіи“, что женоубійца не будетъ оправданъ,—присяжные ушли совѣщаться и... вынесли оправдательный приговоръ. Можно себя представить, какія нареканія вызвалъ бы такой приговоръ, будь онъ произнесенъ *настоящими* присяжными. А вѣдь они въ значительной степени „плоть отъ плоти, кость отъ кости“ того общества, представители котораго собрались судить „по всѣмъ правиламъ искусства“ героя Арцыбашева, съ тою только разницею, что передъ ними стоялъ бы живой человекъ со слабой волей и увлеченнымъ сердцемъ, судьба котораго зависѣла бы отъ ихъ „да! виновенъ“

А. Ф. Кони.

